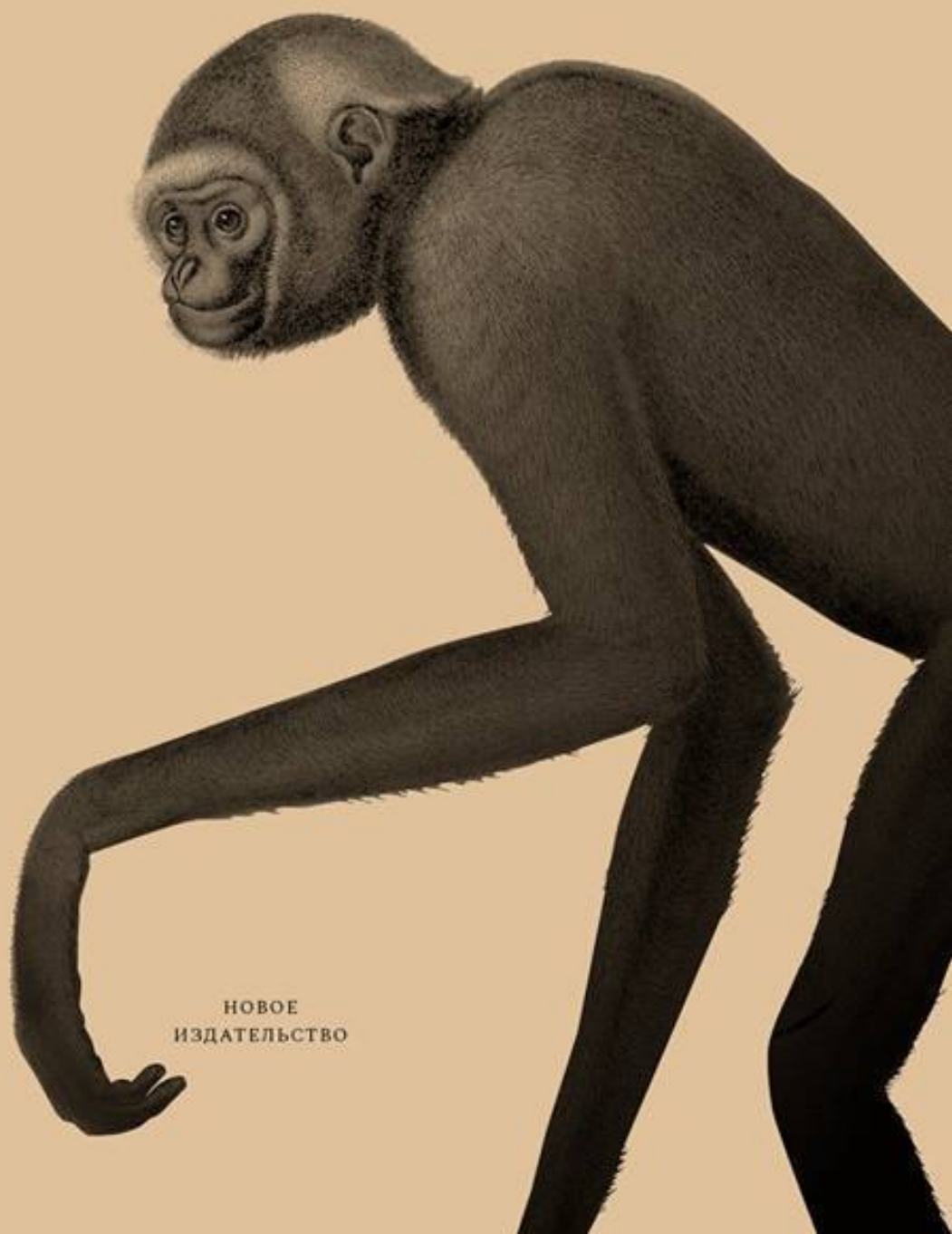

ВСЕВОЛОД ЗЕЛЬЧЕНКО

СТИХОТВОРЕНИЕ
ВЛАДИСЛАВА ХОДАСЕВИЧА

«ОБЕЗЬЯНА»

КОММЕНТАРИЙ

НОВОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Новые материалы и исследования
по истории русской культуры

Всеволод Зельченко

**Стихотворение
Владислава Ходасевича
«Обезьяна»: Комментарий**

«Новое издательство»

2019

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Зельченко В. В.

Стихотворение Владислава Ходасевича «Обезьяна»: Комментарий
/ В. В. Зельченко — «Новое издательство», 2019 — (Новые
материалы и исследования по истории русской культуры)

Исследуя газетные метеосводки лета 1914 года, античные легенды о Дарии
III и историю пятистопного ямба, Всеволод Зельченко показывает, как в
одном из самых знаменитых русских стихотворений XX века преломляются
баснословное прошлое, быт, литература и политика настоящего – и
предчувствие будущего.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

© Зельченко В. В., 2019
© Новое издательство, 2019

Содержание

Предисловие	6
Обезьяна	8
Справка	10
1. Серб с обезьяной	12
2. «Была жара. Леса горели»	32
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Всеволод Зельченко

Стихотворение Владислава Ходасевича «Обезьяна»: Комментарий

© Новое издательство, 2019

* * *

Ars poetica

Мой бедный мальчик, сядь к столу и слушай. Вот – просто баловство словами. Звуки – льются так легко, достаю их из «мешка», как фокусник ловит червонцы из воздуха; как ночью – мотыльков (Dziady – A, ranie motyli). Ты – о важном, большом, а выйдет малое, я – о малом – а откроется большое. Ты о красивом – выйдет некрасиво. Я об уродце так, что – ах! [Как же это? Ну, уж не знаю. Надо много страдать – (во имя слова) (под знаком слова) – И еще... и еще... Надо жить не только здесь. Когда все станет словом... Главное во мне – не гражданин, не труженик, не любовник – никто. Главное – поэт.]¹

¹ Черновой набросок Ходасевича 1920 года (РГАЛИ. Ф. 537. Оп. 1. Ед. хр. 25. Л. 22 об.); круглые и квадратные скобки принадлежат автору. О фокуснике ср. автокомментарий к стихотворению «Друзья, друзья! Быть может, скоро...» (1921): «Это – конец стихотворения. Начало (3 строфы о фокуснике, берущем из воздуха монеты) – выброшено» (Собр. соч. I, 427). Цитату из «Дядов» Мицкевича («A tuś mi, ranie motyli!») см. ч. IV, ст. 1268; герой поэмы Густав, поймав кружащегося у свечи мотылька, произносит монолог о человеческих душах, которые становятся мотыльками после смерти: «А! Мотылек? Вы, сударь мой, откуда? / (Ксеидзу, показывая мотылька.) Крылатый рой! На грани тьмы он где-то... / Все истины лучи они при жизни тушат, / Настанет Страшный суд – пойдут во тьму за это. / Но, ненавидя свет, должны стремиться к свету / Их осужденные, блуждающие души...» (пер. Л.Н. Мартынова).

Предисловие

Читатель этой книжки наверняка заключит, что о стихотворении Ходасевича в ней сказано и слишком много, и слишком мало. С одной стороны, ему будет предложен набор имен, текстов и фактов, чье касательство к «Обезьяне», да и само знакомство с ними Ходасевича как минимум неочевидны; с другой стороны, на важнейший вопрос, заданный Дэвидом Бетеа: «Зачеркивает ли последняя строка урок обезьяны или, наоборот, этот урок дает единственный ключ к пониманию исторических событий?»² – прямого ответа он не обнаружит (здесь мы рассчитываем, впрочем, что наша позиция, пусть и не обозначенная *expressis verbis*, будет ясна из самого хода изложения).

Для пишущего эти строки существенно различие между комментарием и интерпретацией. В интерпретациях «Обезьяны» – одного из самых знаменитых стихотворений в русской литературе – недостатка определенно не ощущается: ее центральный эпизод толковали как обращение Ходасевича к своим польским корням и к корням еврейским, как рукопожатие с Пушкиным и с врагом рода человеческого, как аллессию русско-сербского союза и как уход от послереволюционной действительности в первобытный рай зверей, как соблазн бестиальной жестокости и, наоборот, как индуистское утверждение братства всего живого. Эти и другие концепции будут, разумеется, обсуждаться ниже; однако главную свою задачу мы видели не в том, чтобы увеличить их число, а в по возможности подробном воссоздании реального и литературного контекста, в котором стихотворение Ходасевича существовало для его современников. Не проделав такой работы, интерпретатор рискует принять бытовую деталь за цитату, а общее место – за переключку с конкретным предшественником («лисица видит ср., лисицу ср. пленил») и из-за недостаточного знакомства с традицией не заметить новаторства.

Главный и едва ли не единственный инструмент для реконструкции этого контекста сто лет спустя – подбор и взвешивание параллельных мест: «филолог всегда бывает доволен, когда находит *параллелию*», как любил повторять своим итальянским слушателям прославленный немецкий эллинист Эдуард Френкель³. Нет нужды говорить, что новые возможности для поиска и обработки материала, доступные нам теперь, не подменяя и не облегчая традиционного историко-филологического анализа, позволяют комментатору предлагать решения таких вопросов, которые прежде не могли быть и поставлены.

Первая и третья главы работы были ранее напечатаны в виде статей⁴; в нынешней версии они существенно расширены.

В книге не раз встречаются ссылки на наблюдения, которыми с нами щедро поделились М.В. Безродный, А.К. Гаврилов, Аминадав Дикман, Ю.Л. Минутина-Лобанова, Б.А. Рогинский, А.Л. Соболев; всем им – наша сердечная благодарность. В наведении разного рода справок и в присылке труднодоступных статей помогли А.Ю. Балакин, Эдуард Вайсбанд, А.А. Ветушко-Калевич, В.Б. Гефтер, Е.Л. Куранда, М.А. Левченко, М.В. Пироговская, Д.В. Сичинава, А.Б. Устинов, Г.М. Утгоф и Е.П. Чебучева, в прояснении вопросов цыганской этнографии – К.А. Кожанов, в переводах с иврита – М.Ю. Брук и Хава Броха Корзакова.

² Bethea D.M. Khodasevich: His Life and Art. Princeton, 1983. P. 181.

³ «Un filologo è sempre contento quando trova una parallela». В устной итальянской речи Френкеля проскальзывали германизмы; в нашем случае смешение *eine Parallele* и *un parallelo* способствовало тому, что сентенция удержалась в памяти одного из участников его семинаров в пизанской Высшей нормальной школе (Conte G.B. *Ope ingenii: Esperienza di critica testuale*. Pisa, 2013. P. 29).

⁴ «Сладчайшие преданья»: К источникам одного стихотворения Ходасевича // Древний мир и мы. СПб., 1997. [Вып. 1.] С. 221–226; К столетию одного рукопожатия: Действительность и литература в «Обезьяне» В.Ф. Ходасевича // Летняя школа по русской литературе. 2015. Т. 11. № 2. С. 172–195.

Е.В. Казарцев любезно согласился прочитать в рукописи пятую главу, а П.Ф. Успенский – книгу целиком. За все наши ошибки и упущения никто из них не отвечает.

Наконец, нельзя не упомянуть две филологические компании, которым эта затянувшаяся работа обязана исходным толчком: лекторов и аудиторию «Дома читателя» – ежегодных уик-эндов медленного чтения в Санкт-Петербургской классической гимназии, – а также сообщество chodasevich, возникшее в «Живом журнале» в 2006 году. Сейчас, когда история русского Livejournal по всем приметам подошла к концу, атмосфера и уровень тогдашних обсуждений вспоминаются с особенными чувствами.

Обезьяна

Была жара. Леса горели. Нудно
Тянулось время. На соседней даче
Кричал петух. Я вышел за калитку.
Там, прислонясь к забору, на скамейке
Дремал бродячий серб, худой и черный.
Серебряный тяжелый крест висел
На груди полуголой. Капли пота
По ней катились. Выше, на заборе,
Сидела обезьяна в красной юбке
И пыльные листы сирени
Жевала жадно. Кожаный ошейник,
Оттянутый назад тяжелой цепью,
Давил ей горло. Серб, меня заслышав,
Очнулся, вытер пот и попросил, чтоб дал я
Воды ему. Но чуть ее пригубив, –
Не холодна ли, – блюдце на скамейку
Поставил он, и тотчас обезьяна,
Макая пальцы в воду, ухватила
Двумя руками блюдце.
Она пила, на четвереньках стоя,
Локтями опираясь на скамью.
Досок почти касался подбородок,
Над теменем лысеющим спина
Высоко выгибалась. Так, должно быть,
Стоял когда-то Дарий, припадая
К дорожной луже, в день, когда бежал он
Пред мощною фалангой Александра.
Всю воду выпив, обезьяна блюдце
Долой смахнула со скамьи, привстала
И – этот миг забуду ли когда? –
Мне черную, мозолистую руку,
Еще прохладную от влаги, протянула...
Я руки жал красавицам, поэтам,
Вождам народа – ни одна рука
Такого благородства очертаний
Не заключала! Ни одна рука
Моей руки так братски не коснулась!
И видит Бог, никто в мои глаза
Не заглянул так мудро и глубоко,
Воистину – до дна души моей.
Глубокой древности сладчайшие преданья
Тот нищий зверь мне в сердце оживил,
И в этот миг мне жизнь явилась полной,
И мнилось – хор светил и волн морских,
Ветров и сфер мне музыкой органной

Ворвался в уши, загремел, как прежде,
В иные, незапамятные дни.

И серб ушел, постукивая в бубен.
Присев ему на левое плечо,
Покачивалась мерно обезьяна,
Как на слоне индийский магараджа.
Огромное малиновое солнце,
Лишенное лучей,
В опаловом дыму висело. Изливался
Безгромный зной на чахлую пшеницу.

В тот день была объявлена война.

1919

Справка

Согласно составленному Ходасевичем списку стихов (Бахметевский архив Колумбийского университета, фонд М.М. Карповича), «Обезьяна» начата 7 июня 1918 года, окончена 20 февраля 1919 года (Собр. соч. I, 396). Черновой автограф ст. 1–15 и 52 (1): РГАЛИ. Ф. 537. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 26 об. – 27. Впервые напечатано (2): Рабочий мир. 1919. № 6 (апр.). С. 3. Об истории этой публикации рассказывают мемуары П.Н. Зайцева, возглавлявшего литературный отдел журнала:

По делам «Сирены» уже в 1919 году я снесся с поэтом Вл. Ходасевичем, который работал тогда в Наркомпросе у Луначарского, и предложил дать что-нибудь для нового журнала⁵. Ходасевич дал свое стихотворение «Обезьяна», в котором звучало осуждение первой империалистической войны. Перед отправкой стихотворения в Воронеж я показал его Волгину⁶. Волгину очень понравилась социальная тема стихотворения, и он мертвой хваткой вцепился в него: «Не отдадим его в „Сирену“, давайте печатать в „Рабочем мире“!» И в апрельском шестом номере стихотворение было напечатано. Ходасевич не возражал <...>⁷

При жизни автора стихотворение публиковалось еще пять раз: (3) *Ходасевич Вл.* Путем зерна: Третья книга стихов. М.: Творчество, 1920. С. 42–43; (4) То же / 2-е изд. Пг.: Мысль, 1922. С. 51–53; (5) *Ежов И.С., Шамурин Е.И.* Русская поэзия XX века: Антология русской лирики от символизма до наших дней / С введ. ст. В. Полянского. М.: Новая Москва, 1925. С. 261 (перепечатка из [4])⁸; (6) Возрождение. 1927. № 716. 19 мая (в подборке «Белые стихи», вслед за стихотворениями «Эпизод», «Полдень», «Встреча»); (7) *Ходасевич Вл.* Собрание стихов. Париж: Возрождение, 1927. С. 49–51. Единственный известный нам прижизненный перевод, на итальянский язык, появился в 1932 году⁹.

Текст воспроизводится по источнику (7). Разночтения черновика¹⁰ и ранних публикаций немногочисленны:

⁵ «Сирена» – «пролетарский двухнедельник», редактировавшийся в Воронеже В.И. Нарбутом; Зайцев ангажировал для него авторов в Москве. В рекламных анонсах «Сирены» среди длинного списка литераторов «с именами» упоминался и Ходасевич (Сирена. 1918. № 2/3 [30 дек.]. Кол. 93–94). Ко времени, о котором говорит Зайцев, издание «Сирены» фактически прекратилось: в феврале – начале марта 1919 года отозванный из Воронежа на Украину Нарбут хлопотал в губисполкоме о ликвидации журнала, последний номер которого, среди прочего включавший «Декларацию» имажинистов и мандельштамовское «Утро акмеизма», еще находился в печати (см. статьи О.Г. Ласунского в изд.: Сирена: Пролетарский двухнедельник. Воронеж, 1918–1919 / Науч. ред. О.Г. Ласунский. Воронеж, 2013. С. 181–184, 201). Либо Зайцев не успел узнать об этом, либо перед нами ошибка памяти мемуариста и «Обезьяна» предназначалась для более экзотического печатного органа – «Вестника Воронежского округа путей сообщения», московским агентом которого также был Зайцев. Ср. занесенный Блоком в записную книжку 6 февраля 1919 года перечень стихотворений с пометой «П. Зайцеву („Рабочий мир“ и „Воронежский вестник“»)» (Блок А.А. Записные книжки / Сост., подгот. текста и примеч. В.Н. Орлова. М., 1965. С. 449; Леденева Т.А. Воронежский «Вестник» // Вестник Воронежского гос. ун-та. Филология, журналистика. 2011. № 2. С. 188).

⁶ Редактор «Рабочего мира» Вячеслав Петрович Волгин (1879–1961) – историк-большевик, впоследствии ректор 1-го МГУ и академик.

⁷ Зайцев П.Н. Воспоминания / Сост. М.Л. Спивак; вступ. ст. Дж. Мальмстада, М.Л. Спивак. М., 2008. С. 333–334.

⁸ Сам Ходасевич, в июне 1922 года составляя подборку своих стихов для антологии Ежова и Шамурина (СС IV, 445–446), «Обезьяну» в нее не включил.

⁹ *Chodasevič V.* La scimmia / Trad. dal russo di R. Poggioli // Circoli. 1932. № 3. P. 41–43 (впоследствии неоднократно перепечатывался). Книжка журнала дошла до Ходасевича; см. его письмо Н.Н. Берберовой от 29 июля 1932 года: Минувшее. Paris, 1988. Вып. 5. С. 288 (публ. Д. Бетеа). Ренато Поджолли (1907–1963) – итальянский славист, ставший в эмиграции одним из основоположников американского сравнительного литературоведения; краткий разбор «Обезьяны» вошел в его позднейшую книгу: *Poggili R.* The Poets of Russia: 1890–1930. Cambridge (Mass.), 1960. P. 308.

¹⁰ Обильные варианты ст. 1–15, отброшенные в черновике, не приводятся; полную его транскрипцию см. в Приложении.

Ст. 6 (1): Тяжелый крест серебряный висел
Ст. 8 (1–5): По ней катились. Рядом, на заборе,
Ст. 15 (1): Ему штаны (*на этих словах черновик обрывается*).
Ст. 15–16 (2): Воды ему. Но чуть ее пригубив, / Не холодна ли, блюдо
на скамейку
Ст. 17 (2–6): Поставил он. И тотчас обезьяна,
Ст. 19 (2–3): Обоими руками блюдо. (4–5) Обоими руками блюдо.
После ст. 27 отбивка (2)¹¹.
Ст. 39–40 (6): Не заглянул так мудро и глубоко – / Воистину, до дна души
моей.

В принадлежавшем Н.Н. Берберовой экземпляре «Собрания стихов» 1927 года (Библиотека Байнеке Йельского университета), в котором Ходасевич снабдил каждое стихотворение пометами, под текстом «Обезьяны» приписано (Собр. соч. I, 396):

20 февраля». Начато 7 июня 1918. Все так и было, в 1914, в Томилине.
Гершензон очень бранил эти стихи, особенно Дария.

Томилино – поселок по Московско-Казанской железной дороге, в 25 верстах от Москвы, где Ходасевич с мая 1914 года жил на даче с женой и пасынком, «пишучи о Пушкине (сел-таки), переводя проклятого Сенкевича и творя рецензии о стихах для „Русских Ведомостей“»¹².

«Обезьяна» входит в формально не выделенный цикл больших нерифмованных ямбических стихотворений 1918–1920 годов. В первую очередь это шесть вещей из сборника «Путем зерна» («Эпизод», «2-го ноября», «Полдень», «Встреча», «Обезьяна», «Дом»), в составе которого они – за единственным исключением – расположены подряд¹³. Поручкой тому, что сам Ходасевич воспринимал их как целое, служит и позднейшая републикация четырех из них под общим заголовком «Белые стихи» (6). К ним примыкает стихотворение «Музыка» (1920), открывшее следующий сборник Ходасевича «Тяжелая лира», а также ряд неоконченных набросков и планов-конспектов из рабочих тетрадей 1918–1922 годов (БП № 382, 392; Собр. соч. I, 286; РГАЛИ. Ф. 537. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 19¹⁴; Ед. хр. 25. Л. 22 об.¹⁵, 24).

¹¹ Можно предполагать, что исчезновение этой отбивки вызвано не авторской редакцией, а типографской случайностью: в первом издании «Путем зерна» (3) ст. 27 приходится на конец страницы.

¹² Письмо Б.А. Садовскому от 18 мая 1914 года (ПС, 345; здесь и ниже все даты до 31 января 1918 года даются по старому стилю). Имеются в виду большая статья «Петербургские повести Пушкина», с которой началась пушкинистика Ходасевича, а также переводы романов Г. Сенкевича «Семья Поланецких» и «Меченосцы». В «Русских ведомостях» в мае – июле были опубликованы шесть рецензий Ходасевича и заметка о Пушкине (Собр. соч. II, 160–169, 563; ПиПЕВ I, 14–16).

¹³ «Эпизод» отделен от остальных четырьмя (в «Собрании стихов» 1927 года – тремя) стихотворениями; первое из них, «Вариация», разрабатывает тот же лирический сюжет, и его заглавие означает «вариация на тему „Эпизода“» (Богомолов Н.А. Жизнь и поэзия Владислава Ходасевича [1989] // Он же. Русская литература начала XX века: Портреты. Проблемы. Разыскания. Томск, 1999. С. 103). Заключительное стихотворение цикла, «Дом», появляется только во втором издании «Путем зерна» (1922).

¹⁴ Об этом прозаическом плане, опубликованном в составе работ Н.А. Богомолова и Инны Андреевой, подробнее см. в главе 4.

¹⁵ Воспроизведен выше в эпиграфе.

1. Серб с обезьяной

То же и в архиве нашей памяти. И в ней есть свои шкафы, ящики, коробки и коробочки. <...> Как в них найти те «бисеринки» эмоциональных воспоминаний, впервые мелькнувшие и навсегда исчезнувшие, как метеоры, на мгновение озаряющие и навсегда скрывающиеся? Когда они являются и вспыхивают в нас (как образ серба с обезьяной), будьте благодарны Аполлону, ниспославшему вам эти видения, но не мечтайте вернуть навсегда исчезнувшее чувство. Завтра вместо серба вам вспомнится что-то другое.

– К.С. Станиславский. Работа актера над собой

В конце двадцатых или начале тридцатых годов, читая третий том марковского собрания сочинений Бунина, поэт Дмитрий Кедрин написал на полях против последних строф стихотворения «С обезьяной» (1907): «Ходасевич отсюда взял, но у него лучше»¹⁶. И действительно, редкая из работ, посвященных «Обезьяне», обходится без сопоставления с бунинскими стихами – а то и без утверждения, что второй из этих текстов «непосредственно инициирован»¹⁷ первым.

Ай, тяжела турецкая шарманка!
Бредет худой, согнувшийся хорват
По дачам утром. В юбке обезьянка
Бежит за ним, смешно поднявши зад.

И детское и старческое что-то
В ее глазах печальных. Как цыган,
Сожжен хорват. Пыль, солнце, зной, забота.
Далеко от Одессы на Фонтан!

Ограды дач еще в живом узоре –
В тени акаций. Солнце из-за дач
Глядит в листву. В аллеях блещет море...
День будет долог, светел и горяч.

И будет сонно, сонно. Черепицы
Стеклом светиться будут. Промелькнет
Велосипед бесшумным махом птицы,
Да прогремит в немецкой фуре лед.

Ай, хорошо напиться! Есть копейка,
А вон киоск: большой стакан воды
Даст с томною улыбкою еврейка...

¹⁶ Реморова Н.Б. Кедрин и Ходасевич: «Статьи о русской поэзии» В. Ходасевича в чтении и восприятии Дм. Кедрина (по материалам кедринской библиотеки) // Вестник Томского университета. 1999. № 268. С. 61. Эта работа, сколько нам известно, не привлекала внимания исследователей Ходасевича; между тем среди маргиналий Кедрина есть точные и с тех пор не повторенные наблюдения, устанавливающие источник отдельных строк и словосочетаний Ходасевича у Пушкина и Баратынского.

¹⁷ Владимиров О.Н. В. Ходасевич – И. Бунин: Несколько параллелей // Проблемы литературных жанров: Материалы X Международной научной конференции, посвященной 400-летию г. Томска, 15–17 окт. 2001 г. Томск, 2002. Ч. 2. С. 72.

Но путь далек... Сады, сады, сады...

Зверок устал, – взор старичка-ребенка
Томит тоской. Хорват от жажды пьян.
Но пьет зверок: лиловая ладонка
Хватает жадно пенистый стакан.

Поднявши брови, тянет обезьяна,
А он жует засохший белый хлеб
И медленно отходит в тень платана...
Ты далеко, Загреб!¹⁸

Соответствий много: Роберт Хьюз называет их «интригующими», Эммануэль Демадр – «поразительными», а по признанию В.Е. Пугача, «количество заимствованных или переименованных деталей шокирует»¹⁹. Процитируем последний из предлагавшихся перечней, для краткости дополнив его еще одним очевидным пунктом: «Нельзя пройти мимо удивительного сюжетного сходства (многими, конечно, замеченного) с одним поэтическим текстом той же эпохи – „С обезьяной“ (1907) Ивана Бунина. <...> Балканец-музыкант с обезьяной (хорват у Бунина, серб у Ходасевича); зной; «место действия – дачи; обезьянка, пьющая воду; особенный взгляд животного, на который обращают внимание оба поэта...»²⁰ Кажется невероятным, чтобы такая экзотически-прихотливая комбинация могла возникнуть в двух независимых случаях – если, конечно, не принимать высказанную однажды со всей серьезностью гипотезу, будто один и тот же обезьянщик за семь лет докочевал из Одессы до Подмоскovie, «причем шарманка его за время странствий вполне могла прийти в негодность, почему и появился вместо нее в стихотворении Ходасевича бубен»²¹.

С другой стороны, у нас есть два свидетельства, ставящих под вопрос связь бунинского стихотворения и «Обезьяны». Во-первых, Ходасевич пометил в берберовском экземпляре «Собрания стихов»: «Все так и было, в 1914, в Томилине»²², а шестью годами ранее сказал

¹⁸ Сведения о прижизненных публикациях стихотворения и его оценке современниками собраны в комментариях к изд.: Бунина И.А. Стихотворения / Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. Т.М. Двинятиной. СПб., 2014. Т. 2. С. 375–376.

¹⁹ Hughes R.P. Khodasevich in Venice // For SK: In Celebration of the Life and Career of Simon Karlinsky / Ed. by M.S. Flier, R.P. Hughes. Oakland (Calif.), 1994. P. 156; Demadre E. La quête mystique de Vladislav Khodasevich: Essai d'interprétation de l'œuvre du dernier symboliste russe. Villeneuve, 2000. P. 306; Пугач В.Е. Две обезьяны: «С обезьяной» Бунина и «Обезьяна» Ходасевича // Он же. На полях школьной программы. СПб., 2012. С. 43.

²⁰ Шубинский В.И. Владислав Ходасевич: Чающий и говорящий / [2-е изд.] М., 2012. С. 260. Анализ Л.А. Новикова и С.Ю. Преображенского устанавливает совпадение «не менее 22 лексических компонентов (более 20 % единиц, обладающих лексическим значением, в стихотворении И. Бунина)»; впрочем, в их число попадает, например, сопоставление бунинского «засохшего белого хлеба» с «чахлой пшеницей» у Ходасевича (Новиков Л.А., Преображенский С.Ю. Ключевые слова и идейно-эстетическая структура стиха // Язык русской поэзии XX века: Сб. науч. тр. М., 1989. С. 19–20).

²¹ Фояков И.О. Двойные звезды [1996] // Он же. Островитяне. СПб., 2005. С. 191.

²² Как отметил Н.А. Богомолов, такого же рода подписями Ходасевич сопроводил и другие белые стихи из «Путем зерна», настойчивым повторением «был... была... было...» утверждая их автобиографическую основу (Богомолов Н.А. История одного замысла [1989] // Он же. Русская литература начала XX века. С. 569). Ср. об «Эпизоде»: «Со мной это случилось в конце 1917, днем или утром, в кабинете» (в тексте – «в одно из утр пятнадцатого года»); о «2-го ноября»: «2 ноября ходил к Гершензону. Столяр – незнакомый, но был»; о «Встрече»: «Англичанка, впрочем, была в 1911 г., как и все прочее» (Собр. соч. I, 392–393, 395). В плане-оглавлении неосуществленного собрания стихов, намеченного в 1921 году, «Обезьяна» открывает раздел, озаглавленный «Почти дневник» (в него входят «Слезы Рахили», «2-го ноября», «Газетчик», «Дом», «Старуха» и «Музыка»; впрочем, «2-го ноября» и «Старуха» попали также в раздел «Москва»: Собр. соч. I, 404–405). Попутно отметим, что в рабочей тетради Ходасевича засвидетельствован замысел дневникового цикла, относящийся к началу 1920 года: в столбик перечислены дни недели, под четвергом приписано «Старуха», а под воскресеньем – «Дрова», т. е. будущая «Музыка». Этот набросок не оставляет сомнений, что зачеркнутый заголовок в черновике «Музыки», начинающемся на следующей странице, должен читаться не как «Воск» (БП, 384; СС I, 511; Собр. соч. I, 406), а как недописанное «Воск+ресенье» (РГАЛИ. Ф. 537. Оп. 1. Ед. хр. 25. Л. 9–10; ср. ст. 2 «Музыки»: «Еще воскресная по телу бродит лень»).

то же своей случайной порховской собеседнице, будущему краеведу Галине Проскуряковой, которую разыскал и расспросил в конце восьмидесятых М.В. Безродный²³. Впрочем, это «все так и было»²⁴ не раз служило филологам поводом, чтобы продемонстрировать лукавство писательских отсылок к реальности: кто не знает, что стихи делаются из стихов! «И хотя Ходасевич уверял, что описал все, как было на даче в Томилино в 1914 году, – резюмируют Г.Г. Амелин и В.Я. Мордерер, – мы знаем цену истинным приключениям, происходящим с поэтами на даче. Один в Томилино встречается Обезьяну, другой на Акуловой горе близ ст. Пушкино – Солнце. Сугубую литературность происходящего разоблачает бунинское стихотворение „С обезьяной“ <...>. Ходасевич лукавил, речь шла не о действительном событии, а о бунинском сюжете»²⁵. И.Я. Померанцев, процитировав статью Ходасевича «О поэзии Бунина» (1929; СС II, 187) – «Не разделяя принципов бунинской поэзии (напрасно стал бы я притворяться, что их разделяю: мое притворство было бы тотчас и наиболее наглядно опровергнуто хотя бы моими собственными писаниями)...», – мягко уличает ее автора: «Отчего же опровергнуто? Обезьяны не спрячешь»²⁶.

Во-вторых, Омри Ронен, познакомившись в 1968 году в Нью-Йорке с Н.Н. Берберовой, спросил ее о стихотворении Бунина: «оказалось, <...> что ни она, ни (по всей вероятности) он» его не знали²⁷. Это свидетельство, однако, при желании нетрудно отнести как *wishful thinking*: ко времени написания «Обезьяны» Ходасевич и Берберова еще не были знакомы²⁸.

Поскольку родство двух стихотворений кажется установленным (в виду дальнейшего отметим, однако, скепсис Ирины Антанасиевич²⁹ и М.В. Безродного³⁰, а также рассчитанно-осторожные формулировки А.К. Жолковского, А.А. Макушинского и тандема соавторов Л.А. Новиков – С.Ю. Преображенский³¹), интерпретаторы обсуждают различие деталей, охотно прибегая к словам вроде «заменял» или «превратил»: дело представляется так, будто

²³ Ходасевич В.Ф. Поездка в Порхов / [Подгот. текста и коммент. М.В. Безродного] // Литературное обозрение. 1989. № 11. С. 112. Примеч. 29. В опубликованных воспоминаниях Г.В. Проскуряковой упомянуто чтение Ходасевичем «Обезьяны» в порховской библиотеке, но разговор о биографической подоплеке этих стихов не отражен: Проскурякова Г.В. Вольшовская старина. СПб., 2008. С. 168–169.

²⁴ По поводу стихотворения Бунина нечто подобное тоже было произнесено: «Сколько раз до сих пор я видел (там же, в Одессе. – В.З.) обыкновенного уличного шарманщика, но только теперь, взглянув на него глазами Бунина, понял, что и шарманщик поэзия, и его обезьянка поэзия...» (Катаев В.П. Трава забвенья [1967] // Он же. Собр. соч.: В 9 т. М., 1972. Т. 9. С. 272).

²⁵ Амелин Г.Г., Мордерер В.Я. «Пушкин-обезьяна» // Они же. Миры и столкновения Осипа Мандельштама. М., 2000. С. 231–232.

²⁶ Померанцев И.Я. Югославянская рапсодия [1996] // Он же. По шкале Бофорта. СПб., 1997 (= Urbi: Лит. альманах. Вып. 10). С. 89.

²⁷ Ронен О. Берберова [2001] // Он же. Из города Энн. СПб., 2005. С. 55.

²⁸ Владимирцов О.Н. «Базар в Афинах» Ю. Мориц в контексте русской поэзии: Опыт интерпретации стихотворения // Проблемы литературного образования: Материалы IX всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы филологического образования: наука – вуз – школа». Екатеринбург, 2003. Ч. 3. С. 183.

²⁹ Антанасиевич И. Об одном мотиве в русской литературе начала XX века, или Обезьяны гримасы интертекстуального анализа // Славистика. 2003. Т. 7. С. 227 («Вряд ли есть основания говорить о интертекстуальном диалоге, поскольку сходство между двумя стихотворениями чисто внешнее»); ср., однако, ниже примеч. 17.

³⁰ m-bezrodnjy.livejournal.com/273749.html («Но пятистопный ямб, конечно, не раритет, и запечатленные ситуации тоже достаточно типичны, чтобы не заводить непременно разговор о влиянии»); см. ниже примеч. 26. После того как наша позиция была изложена в «Живом журнале», с ней солидаризировалась Сара Дикинсон (Dickinson S. “La scimmia” di Vladislav Chodasevič come commento sulla Grande Guerra // L’indicibile: Grande Guerra e letteratura / A cura di M. Bürger-Koftis, D. Finco. Genova, 2015 [= Quaderni di Palazzo Serra. Vol. 28]. P. 165).

³¹ Жолковский А.К. Две обезьяны, бочки злата... // Звезда. 2001. № 10. С. 204 («В любом случае, эпизод сходен, а разработка глубоко различна»); Макушинский А.А. «Обезьяна», или Отчасти о том же [2008] // Он же. У пирамиды: Эссе, статьи, фрагменты. М., 2011. С. 36 («даже если <...> где-то в памяти, или полубабении, это <...> стихотворение Бунина у него, когда он писал свои стихи, и присутствовало...»; но ср. след. примеч.); Новиков Л.А., Преображенский С.Ю. Указ. соч. С. 18–19 («видимо, „Обезьяна“, написанная позже, не может рассматриваться как аллюзия»; «хотя денотативный план двух этих текстов удивительным образом совпадает, это абсолютно разные стихотворения, имеющие разное концептуальное содержание и формирующие разный эстетический смысл»).

Ходасевич написал свою «Обезьяну» поверх бунинской. Почему он сделал хорвата сербом? Потому что стихотворение завершается строкой «В тот день была объявлена война», а значит, «Сараево <...> начинает просвечивать сквозь дачную идиллическую кулису, Гаврила Принцип снова стреляет в несчастного эрцгерцога, несчастную эрцгерцогиню»³² (другой ответ: потому что Ходасевич – католик³³). Почему пририсовал бунинскому обезьянщику крест на груди? Потому что это «важный для русского „сербского текста“ символ»³⁴. Почему дал ему бубен вместо шарманки? «Чтобы замаскировать очевидный плагиат»³⁵.

Между тем возражений остается немало. Обилие и разительный характер переключек вроде бы должны указывать на такое положение вещей, когда Ходасевич не просто полусознательно использовал чужой мотив, но выстроил концептуальную параллель – побуждая своих читателей вспомнить о бунинском прообразе и разглядывать «Обезьяну» сквозь его призму. Но что это дает младшему стихотворению? Предлагавшиеся ответы на этот вопрос представляются, правду сказать, натянутыми: так, по Г.Г. Амелину и В.Я. Мордерер, за обеими обезьянами скрывается Пушкин, которого традиционалисты Бунин и Ходасевич демонстративным жестом возвращают на пароход современности (в этом случае точным конспектом стихотворения Ходасевича окажется незабвенное «Душа моя играет, душа моя поет, / Мне братеник Пушкин руку подает»)³⁶. По В.Е. Пугачу, Ходасевич намеренно противопоставляет банально-описательной трактовке предшественника свою, экзистенциальную («Бунин не услышал, что хотела сообщить ему обезьяна. Пришлось ей дожидаться более понятливого Ходасевича»), а по О.Н. Владимирову, наоборот, «Ходасевича привлек провиденциализм Бунина, катастрофичность его мировоззрения». Искусственно выстраивается картина многолетнего «творческого спора» Ходасевича с Буниным-поэтом, кульминацией которого выступает «Обезьяна», а предшествующим свидетельством – шуточное стихотворение 1913 года «На даче» («...Отчего же, в самом деле, / Вянет никлая листва? / <...> Оттого, что бродит в парке / С книгой Бунина студент»)³⁷, не подходящее на роль ни полемического манифеста, ни даже полноценной пародии³⁸.

Кроме того, большинство комментаторов упускают из виду, что у Бунина есть еще одна обезьяна – и ведет ее уже не хорват с шарманкой, а, в точности как у Ходасевича, серб с буб-

³² Макушинский А.А. Указ. соч. С. 37; ср. также: «Ходасевичу принципиально важно, чтобы хорват стал сербом <...> – этого требует разрабатываемая им бинарная оппозиция – победа-поражение...» (Антанасиевич И. Указ. соч. С. 228).

³³ Баранов С.В. В.Ф. Ходасевич и литература модернизма // Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов: Материалы международной научной конференции (Волгоград, 24–27 апр. 2005 г.). Волгоград, 2005. С. 682.

³⁴ Мароши В.В. «Сербский» и «кавказский» тексты русской литературы: Мотивы, тропы и архетипичность персонажей // Критика и семиотика. 2012. Вып. 16. С. 305.

³⁵ Из цикла миниатюр хорватской писательницы Дубравки Угрешич «Балканский блюз», который мы цитируем в переводе с английского: *Ugrešić D. Balkan Blues* / Transl. by C. Hawkesworth // *Balkan Blues: Writing Out of Yugoslavia* / Ed. by J. Labon. Evanston, 1995. P. 30–31. А.К. Жолковский в силу мельчайшей, но показательной аберрации даже наделяет серба из «Обезьяны» шарманкой – по образцу бунинского героя («шарманочный мотив, <...> восходящий к Бунину»): *Жолковский А.К. Розыгрыш? Хохма? Задача?: О «Первом стихотворении» Набокова [2001, 2006]* // Он же. Очные ставки с властителем: Статьи о русской литературе. М., 2011. С. 416.

³⁶ Отметим, что эта концепция была предсказана в эссе Майи Каганской «Седьмая повесть Белкина» (1987; соответствующий раздел написан от лица Ходасевича): «В чаду коптилок и подгоравших валенок никто не понял и „Обезьяны“. А ведь я трижды вписал в текст его (пушкинский. – В.З.) образ! <...> Пушкин, а не на пятилетие запоздавший репортаж с начала войны, разъясняет появление в стихе худого и черного серба, раскачивающего на плече обезьяну. <...> Да неужто не найдется среди них ни одного филолога, который вспомнит, что тщедушные свои пародии на Пушкина Полевой подписал „Обезьянин“? что разозленный Пушкин в письме к Матюшкину обозвал друга „обезьяной африканской“?» (Каганская М.Л. Апология жанра / Сост., подгот. текста и примеч. С.М. Шаргородского. М., 2014. С. 82).

³⁷ Баранов С.В. Указ. соч. С. 682.

³⁸ Отношение «доэмигрантского» Ходасевича к поэзии Бунина было, судя по всему, безразличным. В рецензии на седьмой сборник «Знания» (1906), где напечатаны семь бунинских стихотворений из восточного цикла, он выделяет «Детей солнца» Горького и сетует на то, что «рядом рассказы Скитальца, Кипена, стихи Бунина и пр. – ничего не значащие, ничего не говорящие страницы скучных стихов и дряблой прозы» (Собр. соч. II, 31). Одиннадцать лет спустя оценка не изменилась (см. след. примеч.); ее объяснению и пересмотру уделено немало места в позднейшей статье «О поэзии Бунина» (1929; СС II, 181–188), где различима столь нехарактерная для Ходасевича-критика оправдывающаяся интонация.

ном («Чаша жизни», 1913; в лапидарной рецензии на второе издание одноименного сборника Ходасевич особо выделил заглавный рассказ³⁹):

Песчаная улица была не избалована зрелищами. Однажды, когда появился на ней серб с бубном и обезьяной, несметное количество народа высыпало за калитки. У серба было сизое рябое лицо, синеватые белки диких глаз, серебряная серьга в ухе, пестрый платочек на тонкой шее, рваное пальто с чужого плеча и женские башмаки на худых ногах, те ужасные башмаки, что даже в Стрелецке валяются на пустырях. Стуча в бубен, он тоскливо-страстно пел то, что поют все они спокон веку, – о родине. Он, думая о ней, далекой, знойной, рассказывал Стрелецку, что есть где-то серые каменистые горы,

Синее море, белый пароход...

А спутница его, обезьяна, была довольно велика и страшна: старик и вместе с тем младенец, зверь с человеческими печальными глазами, глубоко запавшими под вогнутым лобиком, под высоко поднятыми облезлыми бровями. Только до половины прикрывала ее шерсть, густая, остистая, похожая на енотовую накидку. А ниже все было голо, и потому носила обезьяна ситцевые в розовых полосках подштанники, из которых смешно торчали маленькие черные ножки и тугой голый хвост. Она, тоже думая что-то свое, чуждое Стрелецку, привычно скакала, подкидывала зад под песни, под удары в бубен, а сама все хватала с тротуара камешки, пристально, морщась, разглядывала их, быстро нюхала и отшвыривала прочь.

Впрочем, инерция движения из пункта Б. в пункт Х. оказывается настолько сильной, что исследователи, обращающие внимание на это место, все равно предпочитают говорить о двойном источнике Ходасевича, который для чего-то перемешал в своем тигле бунинские стихи с его же прозой⁴⁰. К сходным выводам приводят и спорадические находки других балканцев с обезьянами в русской литературе: и О. Ронен, обнаруживший их в очерке Белого «Сфинкс», и М.В. Безродный, указавший на стихотворение того же Белого «Из окна» (цитаты см. ниже), склонны трактовать эти параллели как литературные⁴¹. Но нельзя ли найти им иное объяснение?

³⁹ Приведем эту рецензию целиком, тем более что из-за своей краткости она не была включена в Собр. соч.: «Говорить об отдельных книгах Ив. Бунина, конечно, уже поздно. Нужно говорить обо всем его творчестве. Но и по поводу второго издания „Чаша жизни“ хочется лишний раз отметить прекрасный язык этого писателя, его благородную сдержанность, его строгость к себе, так выгодно выделяющую его из среды современных беллетристов. Это – вообще. В частности нужно отметить тот рассказ, по имени которого названа книга, и мастерской рассказ „Святые“. Стихи гораздо слабее рассказов» (Русские ведомости. 1917. № 214. 20 сент.; подп.: Х).

⁴⁰ Саськова Т.В. «Чаша жизни» И.А. Бунина в контексте мировой культуры. М., 1997. С. 41; то же: Саськова Т.В. Серб с бубном и обезьяной: Об одном мотиве в «Чаше жизни» // Российский литературоведческий журнал. 1999. № 12. С. 72 («Скорее всего, на поэте сказались впечатления от бунинского произведения – или произведений, имея в виду и рассказ, и стихотворение...»; чуть ниже, однако, автор будет говорить – на наш взгляд, совершенно оправданно – о «типичной, судя по всему, фигуре серба с бубном и маленькой обезьянкой»); Владимиров О.Н. В. Ходасевич – И. Бунин. С. 73 («Последний стих „В тот день была объявлена война“ отсылает <...> к Стрелецку – месту действия в „Чаше жизни“»); Мароши В.В. Указ. соч. С. 305 («Текст Ходасевича явно отсылает не только к бунинскому поэтическому претексту, <...> но и к рассказу писателя „Чаша жизни“»).

⁴¹ Ронен О. Межтекстовые связи, подтекст и комментирование // Русская филология: Сб. науч. работ молодых филологов. Вып. 13. Tartu, 2002. С. 27–29 («вряд ли без этого отрывка из Белого возможно понять противоречивый смысл стихотворения Ходасевича»); m-bezrodnyj.livejournal.com/273749.html («не приходится сомневаться, что Ходасевич читал, и внимательно читал, „Золото в лазури“»). Эта запись в блоге М.В. Безродного от 3 февраля 2009 года (ср. также продолжение: m-bezrodnyj.livejournal.com/274546.html) и дискуссия, развернувшаяся в комментариях к ней, послужили исходным толчком для наших разысканий.

* * *

Если для А.Ф. Кони, вспоминающего о петербургских балаганах 1850–1860-х годов, уличные развлечения еще представлены «главным образом итальянцами-шарманщиками или савоярами с обезьянкой и маленьким органчиком»⁴², то после турецкой войны (1877–1878) роль водителей обезьян по русским дворам и дачам переходит от уроженцев Апеннин и Альп, будь то настоящих или маскарадных, к угнетенным балканским единоверцам. Эту связь хорошо документирует рассказ И.С. Шмелева «Солдат Кузьма (Из детских воспоминаний приятеля)» (1915):

Турки... Они мне кажутся не людьми даже. Они все кого-то режут и жгут. Как разбойники. Их-то вот умирять и идут наши солдаты. Скоро я хорошо узнаю, что делают эти ужасные турки. Как-то пришли к нам во двор два черномазых парня. Они были в веревочных туфлях, в синих широких штанах, завязанных у ступни, и в кофтах с большими железными пуговицами; волосы у них были черные и густые, как шапки, а глаза – с большими белками навывкате. Парни мычали, разевали рты и тыкали в них грязными пальцами. У них не было языков. Они были оттуда, где турки, и назывались болгарами. И потом все чаще и чаще стали заходить эти болгары, сербы и еще другие, с маленькими ребятками, выглядывавшими из каких-то мешков. Они плакали и протягивали руки. Приходили и с обезьянками. Было жалко и обезьянок, точно и их мучили турки⁴³.

Самые ранние из отысканных свидетельств – в фельетонах Чехова «Письмо к ученому соседу» (1880: «Если бы мы происходили от обезьян, то нас теперь водили бы по городу Цыганы на показ и мы платили бы деньги за показ друг друга, танцую по приказу Цыгана...») и «К характеристике народов» (1884–1885: «Греки <...> продают губки, золотых рыбок, санту-ринское вино и греческое мыло, не имеющие же торговых прав водят обезьян или занимаются преподаванием древних языков»)⁴⁴. Вскоре их число умножается; и если бунинский хорват,

⁴² Кони А.Ф. Петербург: Воспоминания старожила [1921] // Он же. Собр. соч.: В 8 т. / Подгот. и сост. коммент. А.Д. Алексеев и др. М., 1969. Т. 7. С. 62. Д.В. Григорович, выделяя в классическом очерке «Петербургские шарманщики» (1844) три национальных типа – итальянцы, немцы и русские, – называет ученых обезьян «исключительной принадлежностью» первых (Физиология Петербурга / Изд. подгот. В.И. Кулешов. М., 1991. С. 58). Этому, однако, противоречат свидетельства современников; ср. хотя бы Некрасовского «Говоруна» (1843): «Шарманщик с обезьяною / Танцует *надеде*. / <...> Действительно, Германия – / Ученая страна!» или поговорку из словаря Даля: «*Хитер немец – обезьяну выдумал*, говорит народ о заезжих гаерах с обезьянами». О савоярах-обезьянщиках см.: Толбин В.В. Петербургские савояры: Уличный тип // Пантеон. 1853. № 11. Паг. 4-я. С. 37–58. Итальянцы и савояры с обезьянками, узнаваемые по характерным костюмам и тирольским шляпам – частые модели русской жанровой живописи 1840–1860-х годов: см., в частности, наброски П.А. Федотова (1846–1847; Русский музей), «Шарманщиков» А.Ф. Чернышева (1852) и В.Г. Перова (1863; Третьяковская галерея). В искусствоведческой литературе, посвященной парижскому «Савояру» того же Перова (1863; там же), подчас упоминается сурок (Пчелов Е.В. Символы и образы сна и бодрствования в русской культуре Нового времени: Визуальный аспект (некоторые заметки) // Русская антропологическая школа. Труды. Вып. 5. М., 2008. С. 248–249), чего нельзя одобрить: зверек на цепочке, прижавшийся к плечу спящего мальчика и видимый зрителю со спины, – без сомнения, обезьянка.

⁴³ Шмелев И.С. Рваный барин: Рассказы. Очерки. Сказки / Сост. и авт. предисл. Е.А. Осьминина. М., 2000 (= Он же. Собр. соч.: В 5 т. Т. 8, доп.). С. 229. Предположение Т.В. Саськовой, согласно которому «явление серба с обезьянкой стало вполне заурядным» со времен Елизаветы, разрешившей сербам селиться на юге России (Саськова Т.В. Указ. соч. С. 31), источниками не подтверждается.

⁴⁴ Вероятнее всего, Чехов имеет здесь в виду таганрогские реалии. К тому же десятилетию относятся мемуары всеьгонского агронома П.А. Сиверцева («Летом бывали и румыно-сербы с шарманкою, а однажды зимою были (1885), играли на катке»; см.: Голованов В.Я. К развалинам Чевенгура. М., 2013. С. 149) и анекдотический рассказ из записок И.А. Белоусова (1927) о «случае, бывшем в 80-х годах» – купцы, проезжая в Благовещенье мимо птичьего рынка на Трубной площади, захотели исполнить обычай, но так как рынок был еще пуст из-за раннего часа, купили у подвернувшегося «мальчика-болгарина» обезьянку и выпустили ее (Белоусов И.А. Ушедшая Москва: Воспоминания. М., 2002. С. 80).

кажется, уникален (как можно предположить, это характерный для Бунина демонстративный реализм, отказ от ожидаемого штампа в пользу точного всматривания), то греки⁴⁵, румыны⁴⁶, а в первую очередь – болгары и сербы с обезьянами упоминаются современниками десятки раз⁴⁷. Здесь нужно иметь в виду, что как минимум в ряде случаев речь, строго говоря, идет о цыганах из Южной и Восточной Европы: встречаются контексты, в которых слово *сербиянин* явно подразумевает цыгана⁴⁸, у одной из групп цыган-котляров бытует самоназвание *сербияя*, а у части цыган-урсаров, живущих на территории Болгарии, Румынии, Молдовы и стран бывшей Югославии – *majmunari*, т. е. обезьянщики⁴⁹.

Видно, что выбор той или иной народности, особенно в проходных упоминаниях, едва ли не случаен, и неизменна лишь ассоциация с Балканами⁵⁰. Так, нередко перечисляются несколько возможных национальностей обезьянщика через запятую: «И голос болгара иль серба / Гортанный протяжно рыдает... / И слышится: „Шум на Марица...“ / Сбежались. А сверху девица / С деньгою бумажку бросает. / Утешены очень ребята / Прыжками цепной обезьянки...» (Белый, «Из окна», 1903)⁵¹; «Когда-то, много лет назад, в подмосковной дачной местности ходил не то перс, не то болгарин, не то черномазый орловец под болгарина, с несчастной, дрожащей обезьянкой в руках. Обезьянка кувыркалась и прыгала, а „перс“ подергивал ее за веревочку и гнусным голосом подпевал...»⁵²; «Приходил цыган, иногда смуглый серб с обезьянкой, крутил ручку хриплой, как от простуды, шарманки...»⁵³; «румыно-сербы с шарманкою» (П.А. Сиверцев, цит. выше в примеч. 29). Показателен пассаж из авантюрно-шпионского романа Н.Н. Брешко-Брешковского (1916), демонстрирующий шовинистические предрассудки героя: «Болгары, черногорцы, сербы и даже румыны и греки были в его представлении каким-то человеческим „винегретом“, грязным и диким, с той лишь разницей, что одни – гешефтмахеры и плуты, другие – играют на скрипках в белых фантастиче-

⁴⁵ Ср., например: «Окруженный босоногими мальчишками и девчонками, печальный грек, уныло припевая, дергал за цепочку обезьянку в красной юбке. Обезьянка кувыркалась, помаргивая скорбными человеческими глазами» (Григорьев С.Т. Сомбреро [1924] // Он же. Собр. соч.: В 4 т. М., 1959. Т. 1. С. 40).

⁴⁶ «Румын с обезьянкой» (в исполнении Леонида Барбэ) – эпизодическое действующее лицо несохранившегося фильма «В погоне за счастьем» (1927; сценарист К. Полоник, режиссер М.С. Терещенко), поставленного по повести М.М. Коцюбинского «Дорогой ценой» (1901); в самой повести такого персонажа нет (Советские художественные фильмы: Аннотированный каталог. М., 1961. Т. 1: Немые фильмы: 1918–1932. С. 182).

⁴⁷ Единичные указания на обезьянщиков иных национальностей – например, айсоров (Шкловский В.Б. Сентиментальное путешествие. СПб., 2008. С. 281) или китайцев (на Дальнем Востоке: Фраерман Р.И. Золотой василек. М., 1963. С. 20) – оставляем без внимания.

⁴⁸ Ср., например, присказку «Подайте цыганке-молдаванке, православной сербиянке» или пассаж из мемуаров П.И. Якира (время действия куда более позднее – 1937 год, но нас сейчас интересует лексика): «Я возвратился в парк. Там ко мне пристали сербиянки – погадать; в присутствии моих друзей гадалка сказала: „Родителя своего ты больше никогда не увидишь...“» (Антология самиздата: Неподцензурная литература в СССР: 1950–1980-е / Под общ. ред. В.В. Игрунова. М., 2005. Т. 2. С. 175).

⁴⁹ Marushiakova E., Popov V. Gipsies (Roma) in Bulgaria. Frankfurt a. Main, 1997. P. 76, 103, 109–110; Деметер Н.Г., Бессонов Н.В., Кутенков В.К. История цыган: Новый взгляд. Воронеж, 2000. С. 83, 106, 139 и др. Согласно Н.В. Бессонову, дрессированные обезьяны наряду с привычными медведями появились у балканских цыган в конце XIX века (Там же. С. 139). В русской литературе водители обезьян определяются как цыгане не менее часто, чем как болгары или сербы; см., например: «Каждый стоял перед ним, держа за руку куклу, как цыган держит свою обезьянку в синей юбке» (Ю.К. Олеша, «Три толстяка», 1924; гл. 7).

⁵⁰ Полушутливая попытка Аркадия Аверченко навести в этом вопросе порядок («До русской революции <...> мадьяры ходили по дворам, продавая мышеловки, итальянцы продавали коралловые ожерелья и брошки из лавы, болгары специально демонстрировали по улицам дрессированную обезьяну, а грек исключительно торговал губками. Каждая национальность имела свою профессию, и никакой путаницы не было. Если бы вы каким-нибудь чудом увидели грека с обезьяной, то – одно из двух: или грек был не настоящий, или обезьяна поддельная» [Аверченко А.Т. Константинопольские греки [1923] // Он же. Собр. соч.: В 6 т. / Сост., подгот. текста, коммент. Ст. Никоненко. М., 2000. Т. 6. С. 126]) опровергается контрпримерами, начиная с уже приведенного чеховского.

⁵¹ В качестве параллели к «Обезьяне» Ходасевича отмечено М.В. Безродным (см. выше примеч. 26).

⁵² Иванов-Разумник. Перед грозой: 1916–1917. Пг., 1923. С. 24.

⁵³ Левин И.М. Передел. Мюнхен, 1967. С. 9 (роман написан в 1939–1945 годах, время действия – первые годы XX века).

ских костюмах, третьи – водят ученых обезьян, а четвертые – режут в своих горах албанцев и турок»⁵⁴.

Фатальный характер отождествления «человек с обезьяной = балканец» иллюстрирует газетная заметка времен шпиономании, охватившей русскую провинцию в первое лето войны с Японией:

На днях, как нам передавали, на станции Везенберг железнодорожный жандарм встретил бродячего шарманщика и его сотоварища с ручной обезьянкой, одетых в болгарские костюмы. Жандарму субъекты показались подозрительными, и он пригласил их в станционную контору, где те предъявили паспорта на имя болгарских подданных; тем не менее у них был произведен обыск, причем внутри шарманки найдены план местности и дорог между Нарвой и Везенбергом, разные инструменты для съемки планов, шагомер и т. п. Видя, что обман их обнаружен, мнимые болгары сознались, что они – переодетые японцы, причем шарманщик назвал себя полковником генерального штаба, а товарища – своим денщиком. Арестованные, как мы слышали, отправлены в Петербург⁵⁵.

Более того, в некоторых контекстах слова *серб* и *болгарин*, примененные к обезьянщику походя, без каких-либо описаний, выглядят уже прямо обозначением профессии, а не национальности (как *татарин* в смысле ‘старьевщик’; много ранее то же произошло с *савояром*). Таков, например, рассказ Тэффи «Точки зрения» (1934), где персонаж прогуливает по Парижу опостылевшую любовницу: «А ведь не зайди за ней в воскресенье, таких истерик наделает, что за неделю не расхлебашь. <...> Ну вот и води ее, как серб обезьяну»; ср.: «как болгарина с обезьяной – пускают во двор ради обезьяны» (Аверченко, «Подходцев и двое других», 1917; ч. II, гл. 15)⁵⁶.

Репертуар бродячих обезьянок был по большей части каноничен и, как правило, ограничивался хрестоматийной триадой «баба с коромыслом – пьяный мужик – барыня» (то же представляли и ученые медведи)⁵⁷: «Помнишь, на второй день пасхи, когда к нам пришел болгарин с обезьянкой и с органчиком и привел за собой целую толпу зевак, помнишь? <...> Я стояла в окне и смотрела на представление. Могу тебе рассказать, что делала обезьянка, все по порядку. Сначала она показывала, как барыня под зонтиком гуляет, потом – как баба за водой ходит, потом – как пьяный мужик под забором валяется...»⁵⁸; «С наступлением тепла появлялись на окраинах болгары с обезьянами. Они и летом были в полушубках и высоких бараньих шапках. Каждый носил маленькую шарманку, иногда только бубен, и тащил за собой чахлую обезьянку. Обезьянка под звуки шарманки или бубна давала представления. „А ну покажи, как баба воду носит“. На плечики обезьянки укладывалась палочка, та обхватывала ее лапками и ходила по кругу, как будто несла коромысло с ведрами. „А теперь покажи, как пьяный мужик

⁵⁴ Брешко-Брешковский Н.Н. Ремесло сатаны. М., 1995. С. 83.

⁵⁵ Нарвский листок. 1904. № 46. 12 июня. Три номера спустя, когда новость уже перепечатали в столицах, газета ожидаемо сообщила, «что случая задержания на станции Везенберг <...> двух шарманщиков, которые оказались японцами, с какими-то планами, никогда не было» (№ 49. 23 июня).

⁵⁶ Этот последний пассаж отмечен И. Антанасиевич (Антанасиевич И. Указ. соч. С. 229).

⁵⁷ Объяснение этому сходству находим в труде современного этнографа крымских цыган: «После определенной выучки медведей цыгане выступали с ними как бродячие артисты. Иногда у заезжих торговцев крымцам удавалось купить или выменять обезьянку и, выдрессировав ее, также начать выступления на публике. Диковинная для многих крымчан, но уже дрессированная обезьянка цыганами воспринималась как привычная медведица и называлась тем же цыганским словом *ричхини*» (Торопов В.Г. История и фольклор крымских цыган. М., 2004. С. 25). Ср. выше о балканских и румынских цыганах-урсарах (т. е. медведчиках) и маймунарах (обезьянщиках).

⁵⁸ Федин К.А. Первые радости [1945] // Он же. Собр. соч.: В 12 т. М., 1983. Т. 5. С. 161; место и время действия – Саратов, 1910.

валяется“. Обезьянка идет пошатываясь, потом валится набок и делает вид, что засыпает»⁵⁹; контаминация: «И теперь еще у прохожих болгар обезьяна подражает пьяной бабе и ходит за водой. И никто не видит ужаса. <...> Довольно мы учили зверей быть людьми, так что и перестали разбирать, где звери, где люди. <...> А что если в этом приближении к нам зверя сказалось не пленение его нами, а тайное наше пленение им?»⁶⁰ Встречаются, впрочем, и патриотические интерпретации тех же нехитрых движений: «Покажи, как дамой важной / Можешь ты ходить, / Как ружьем солдат отважный / Будет турку бить...»⁶¹

Именовывать таких обезьянок, как и ученых медведиц, принято было Марь Иваннами («Как сморщенный зверек в тибетском храме: / Почешется – и в цинковую ванну, – / Изобрази еще нам, Марь Иванна» [Мандельштам, «Полночь в Москве. Роскошно буддийское лето...», 1931]⁶²; «Марьей Ивановной называлась обезьяна, самка, из породы павианов. <...> Подарили мне ее мои друзья...» [Куприн, «Марья Ивановна», 1913]⁶³; «Иногда шарманщик появлялся с обезьянкой на цепочке, одетой в курточку или платье и обученной показывать простейшие трюки, вроде „Как Марья Ивановна за водой идет“»⁶⁴; «Иногда к нам заходил Петрушка или цыган с <...> обезьянкой Марьей Ивановной»⁶⁵ и многие другие), а самцов – Макарами Ивановичами («Имя было дано Макару Ивановичу [игрушке. – В.З.] по имени тех обезьянок, с которыми в годы нашего детства ходили по дворам черномазые люди. Этих мартышек почему-то часто звали так»)⁶⁶. Музыкальная составляющая действия также не балует разнообразием: песня «Шумит Марица...», первый гимн освобожденной Болгарии⁶⁷, равно упоминается в сти-

⁵⁹ Засосов Д.А., Пызин В.И. Из жизни Петербурга 1890–1910-х годов: Записки очевидцев / 2-е изд., доп.; сост. Е.И. Воиной; послесл., коммент. А.В. Степанова. Л., 1999. С. 151 (отмечено В.Г. Беспрозованным: vadbess.livejournal.com/2081.html, запись от 6 июня 2006 года).

⁶⁰ Белый А. Сфинкс // Вesy. 1905. № 9/10. С. 28–29; отмечено О. Роненом как «важнейший подтекст» стихотворения Ходасевича (см. выше примеч. 26).

⁶¹ Гиляровская Н.В. Стихи. М., 1912. С. 52 (из стихотворения «Мальчик черненький, кудрявый...»; указано пользователем ggordeeva в комментариях к уже упоминавшейся записи в блоге М.В. Безродного: mbezrodnyj.livejournal.com/273749.html). Другим средством напомнить публике о турецком иге служили карикатурные шаровары и фески, в которые балканцы рядили своих обезьянок (см.: Ривови Н.Я. Время и вещи: Очерки по истории материальной культуры в России начала XX в. М., 1990. С. 168).

⁶² Согласно устному разъяснению Н.Я. Мандельштам, «так называли ручных обезьянок уличных гадателей» (Мандельштам О.Э. Полн. собр. соч. и писем: В 3 т. М., 2009. Т. 1. С. 603; коммент. А.Г. Меца). История толкования этой строки сопряжена с целым рядом недоразумений, рассеять которые помогает реальный комментарий: таковы гипотезы о том, что «Изобрази еще нам, Марь Иванна...» означает «Дай-ка еще выпить» (маргиналия И.М. Семенко; опубли.: Жизнь и творчество О.Э. Мандельштама: Воспоминания. Материалы к биографии. «Новые стихи». Комментарии. Исследования / Отв. ред. О.Г. Ласунский. Воронеж, 1990. С. 103), о намеке на имя и отчество Цветаевой (Сидни Монас; отсылки и критику см.: Полякова С.В. Осип Мандельштам [1992] // Она же. «Олейников и об Олейникове» и другие работы по русской литературе. СПб., 1997. С. 168), о происхождении мандельштамовской «Марь Ивановны» от именования «молодых женщин – подручных уголовников» или даже от героини фильма «Кукла с миллионами» Маруси Ивановой (Мачерет Е. О некоторых источниках «буддийской Москвы» Осипа Мандельштама // Acta Slavica Iaponica. 2007. Vol. 24. P. 183–184). Наконец, слова Н.Я. Мандельштам об «уличных гадателях» также породили существенное искажение смысла: интерпретаторы исходят из того, что Марь Иванна – она же современность, «пеньковая эпоха» – достает из кассы билетки со «счастьем» (Амелин Г.Г., Мордерер В.Я. Указ. соч. С. 235 сл.; Сошкин Е.П. Гипограмматика: Книга о Мандельштаме. М., 2015. С. 344). Действительно, обезьянки шарманщиков нередко исполняли также и эту роль; однако, как показывает собранный нами материал, вполне идиоматический приказ обезьянщика «Изобрази еще...» (= «Покажи, как...») призывает зверька не вытягивать жребий, но представить, на потеху публике, очередную бабу с коромыслом.

⁶³ Приведенные параллели позволяют уточнить воспоминания дочери Куприна, писавшей об этой обезьянке: «Он назвал ее так, чтобы досадить какой-то неприятной ему даме, которая, рассердившись, перестала посещать наш дом, и таким образом цель была достигнута» (Куприна К.А. Куприн – мой отец / 2-е изд. М., 1979. С. 60).

⁶⁴ Гуревич А.Я. Москва в начале XX века: Заметки современника. [Б. м.,] 2010. С. 118 (электронное изд.: imwerden.de/publ-2339.html).

⁶⁵ Алексеев А.А. Забвение или сожаление: Воспоминания петербургского кадета / Публ. В.Г. Непевого // Киноведческие записки. 2001. № 55. С. 295 (время действия – 1908–1914 годы).

⁶⁶ Гершензон-Чегодаева Н.М. Первые шаги жизненного пути. М., 2000. С. 50.

⁶⁷ Ср. свидетельство 1887 года: «В Петербурге шатается множество бродячих музыкантов. <...> Братья-славяне напевают „Шуми Марица“, савояры играют на волынке, итальянцы заводят шарманку...» (Бахтияров А.А. Брюхо Петербурга / Вступ. ст. и коммент. Ф.М. Лурье. СПб., 1994. С. 201).

хотворении Белого «Из окна» и в позднейшем (опубл. 1962) мемуарном фрагменте знакомого Ходасевича В.Г. Лидина («Во двор нашего дома <...> приходил серб с шарманкой через плечо и печальной обезьянкой, в красных шароварах и цветной распашонке из ситца. <...> Серб, грустный, с беловатыми оспинами на смуглом лице, крутил ручку шарманки, уныло тянувшей „Шум на Марице...“, а обезьянка с близко поставленными, серьезными глазами, словно знающая заранее свою судьбу, сидела на шарманке, ее тонкие ручки с пепельными ладонями высовывались из полурукавов распашонки»)⁶⁸. Незамысловатый речитатив обезьянщика с бубном запечатлен в повести Вен. Корчемного «Лунная соната» («Обезьянка прыгала в пыли и вытворяла какие-то в высшей степени неопределенные гримасы, а цыганенок бил рукой в бубны и гнусаво выводил: „Покажи, как стара баба / Ходит на базар. / Ах ты, бэреза, / Русска молодец!“»)⁶⁹, и он же различим в макабрическом стихотворении поэта Голубчика-Гостова (ближе не известен), на которое указал А.Л. Соболев в блоге М.В. Безродного:

⁶⁸ Лидин В.Г. Друзья мои – книги: Заметки книголюбца. М., 1966. С. 198. Лидин, впрочем, скорее всего, помнил о стихотворении Белого: на это указывает одинаково измененная первая строка болгарской песни в обоих текстах.

⁶⁹ Корчемный Вен. Рассказы. СПб., 1907. С. 65. Ср. еще: «Бубен загрохотал отчетливее, с тоненьким посвистом бубенцов. „Танцуй, Машка! Танцуй харашо“. Черненький глазастый заморыш в лохмотьях потрясал бубном и подергивал толстую цепочку. В грязи у его ног, держась за цепь темной ручкой, попрыгивала обезьянка в красной юбке. „Пакажи, как старый бабушка на базар ходят...“ Обезьянка скорчилась, втянула голову в плечи, согнулась и заковыляла по грязи» (Богров Ф.К. Сосуд диавольский // Русская мысль. 1917. № 1. С. 133–134).

Мáртышка, мартышкá.

Го-го.

Молдаванин с обезьяной.

Го-го.

Девки, парни, мальчуганы.

Го-го.

Покажи, как ходит пьяный.

Го-го.

Мáртышка, мартышкá.

Го-го.

Ходит пьяный, как умора.

Вниз по палке; просьбы, ласки.

Го-го.

Мáртышка, мартышкá.

Го-го.

Бубен такт ей отбивает.

Го-го.

Пенье бубен дополняет.

Го-го.

Сиплый голос умоляет:

Го-го.

Мáртышка, мартышкá.

Го-го.

Покажи, как мужик ходит.

Го-го.

Покажи, как пьяный ходит.

Го-го.

Ходит медленно, не скоро.

Го-го.

Спать ложится под забором.

Го-го.

Мáртышка, мартышкá.

Го-го.

В красной шапочке татарской.

Го-го.

Вверх по палке без опаски.

Го-го.

Го-го.

Мáртышка, мартышкá.

Го-го.

Покажи, как баба косит.

Го-го.

Покажи, как ведра носит.

Го-го.

Мáртышка, мартышкá.

Го-го.

Девки семечки щелкают.

Го-го.

В парней шелухой бросают.

Го-го.

Мáртышка, мартышкá.

Го-го¹.

¹ Голубчик-Гостов. Темы: II-я кн. стихов. Л., [1924]. С. 26–27; см.: m-bezrodnyj.livejournal.com/274546.html.

Как видим, бубен в руках обезьянщика не менее привычен, чем шарманка, и даже полу-голая грудь персонажа Ходасевича предстает типичной деталью: «...Он, <...> протянув руку и сделав плачущее лицо, закивал головой, склоненной набок, как это делают черномазые грязные восточные мальчишки, которые шляются по всей России в длинных старых солдатских шинелях, с обнаженной, бронзового цвета грудью, держа за пазухой кашляющую, облезлую обезьянку <...> – Сербиян, барина-а-а, – жалобно простонал в нос актер. – Подари что-нибудь, барина-а-а» (Куприн, «Яма», 1915; ч. I, гл. 11)⁷⁰. Наряд обезьяны, в черновике обрисованный Ходасевичем более пристально («Ржаво-золотая / Тесьма бежала по краям пунцовой, / Но

⁷⁰ К сожалению, мы не могли отыскать репродукцию картины украинского художника Т.А. Сафонова «Болгарин с обезьяной» (1912).

грязной юбки»), находит точную параллель в новелле Л.И. Ануфриевой (1914), о которой еще будет речь впереди: «Ах эта красная юбочка с золотым позументом и грязью мокрой улицы! Зачем эта шутовская юбочка!»⁷¹ В воспоминаниях учителя-словесника В.В. Литвинова (место и время действия – Минск 1900-х годов) обезьяне, приведенной мальчиком-болгарином, также выносят попить, и она также опрокидывает чашку⁷²; наконец, отмечавшийся комментаторами сюжетный микропараллелизм у Бунина и Ходасевича – в обоих случаях обезьянщик первым делом поит свою питомицу, хотя сам изнывает от жажды⁷³, – получает разъяснение в «Петербургских савоярах» В.В. Толбина: «Как в завтраке, так в уличном обеде обезьяна бывает всегда сытее своего хозяина, потому что савояр более заботится о ней, чем о себе, как будто бы не она, а он служит ей. Обезьянщик <...> лелеет и бережет свою обезьяну»⁷⁴.

Другое на первый взгляд значимое совпадение между двумя стихотворениями – место и тесно связанное с ним время действия (дача и, стало быть, лето, влекущее за собой жару и жажду) – также на поверку оказывается ходовым: «скука загородных дач» – вторая по популярности декорация для выступлений шарманщиков /обезьянщиков после дворов-колодцев. О тяге петербургских шарманщиков к дачам, «где, как известно, люди как-то добрее, самые солидные отцы семейства склоннее к невинным буколическим удовольствиям, приехавшие гулять особенно расположены тратить деньги, а главное – много детей», писал уже Григорович⁷⁵; хрестоматийное стихотворение Плещеева о старом шарманщике (очевидно, итальянце) озаглавлено «На даче» (1873). Применительно к началу XX века кое-что уже было приведено выше; ср. еще: «Средь аляповатых дач, / Где шатается шарманка...» (Мандельштам, «Теннис», 1913), «И опять визги, лязги шарманки, шарманки...» (Городецкий, «Шарманка» из цикла «Дача», 1907), «За заставой воет шарманка...» (Ахматова, материалы «Поэмы без героя», 1961) и др. Летом 1912 года петербургский журнал «Поселок» составил юмористический каталог дачных шумов, в котором шарманка играет не последнюю партию:

Первый нищий лезет прямо в дачу: «Подайте копеечку!» – 12 ч. дня.

Шарманщик явился. – 1 ч. дня.

Крики разносчиков, звуки шарманки, рев десятка граммофонов, пьяная ругань, драка, хулиганские песни и пр., и пр., и пр. – от 2 до 5 ч. дня⁷⁶.

Главу «Первое стихотворение» из обеих английских версий мемуаров Набокова⁷⁷ – где есть и балканец, и обезьяна, и шарманка, и загородная усадьба, и лето 1914 года – приходится обойти из-за неоднократно высказывавшихся подозрений в аллюзии на Ходасевича⁷⁸; процитируем поэтому воспоминания двух старых петербуржцев:

⁷¹ Ануфриева Л.И. Из бумаг писательницы // Новый журнал для всех. 1914. № 11. С. 9.

⁷² Литвинов В.В. Заглавие не придумано: Рассказы из моей жизни. Из давнего и недавнего прошлого. [М.] 1968. С. 52–54.

⁷³ Фояков И.О. Указ. соч. С. 191; Demadre E. Op. cit. P. 307. N. 264; Владимиров О.Н. В. Ходасевич – И. Бунин. С. 72; Баранов С.В. Указ. соч. С. 682.

⁷⁴ Толбин В.В. Указ. соч. С. 46.

⁷⁵ Физиология Петербурга. С. 54.

⁷⁶ Приведено в кн.: Лапин В.В. Петербург: Запахи и звуки. СПб., 2007. С. 231.

⁷⁷ Названная «First Poem» в первой журнальной публикации (1949), она стала затем (безымянной, как и все прочие) 11-й главой «Conclusive Evidence» и «Speak, Мемогу»; русские переводы: Звезда. 1996. № 11. С. 48–55 (пер. М.Э. Маликовой); Набоков В.В. Собр. соч. американского периода: В 5 т. СПб., 1999. Т. 5. С. 500–511 (пер. С.Б. Ильина).

⁷⁸ Амелин Г.Г., Мордерер В.Я. Указ. соч. С. 219 сл.; Жолковский А.К. Розыгрыш?.. С. 412 сл.; Маликова М.Э. Набоков: Авто-био-графия. СПб., 2002. С. 42. Ко времени написания «Conclusive Evidence» Набоков уже опубликовал перевод «Обезьяны» Ходасевича на английский (1941; см.: Набоков В.В. Стихотворения / Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. М.Э. Маликовой. СПб., 2002. С. 457–458). Ирина Ронен предполагает отсылки к «Обезьяне» также в рассказе Набокова «Благость» (1924; эпизод со старушкой-продавщицей открыток, которую солдат поит горячим кофе) и в «Пнине» (1955; гл. II, 6: Пнин утоляет жажду белки, нажав на кнопку фонтанчика с питьевой водой): Ронен И. Стихи и проза: Ходасевич в творчестве Набокова // Звезда. 2009. № 4. С. 192–193.

Когда шарманщик подходил к даче и начинал свой «концерт», то к нему спешила или сама дачница, или горничная, если это была богатая дача, и, дав ему несколько медных монет, махала рукой. Это означало: «Бери деньги и иди дальше». Так смотрели на это дело взрослые дачники. Иначе смотрели дети. Им хотелось слушать шарманку, им хотелось посмотреть обезьянку и, наконец, им хотелось, чтобы белая мышка вытащила «счастье», как тащат это «счастье» для больших тетей. Но с маленькими дачниками никто не считался. И, несмотря на слезы, шарманщика выпроваживали. Едва ли это очень сильно задевало самолюбие шарманщика. Он снимал шляпу, благодарил за деньги и продолжал свой путь дальше, радуясь тому, что при таких обстоятельствах ему удастся обойти больше дач, побольше собрать денег. А что касается самолюбия, то на самолюбие хлеба не купишь, шубу не сошьешь. Такое отношение к шарманщику было, конечно, не везде. И в дачной местности встречались люди, которые находили какую-то прелесть в шарманке, или слушали ее в соответствии со своим настроением, или просто стеснялись прогнать шарманщика, чтобы его не обидеть. К таким людям можно отнести дачников победнее, не умудренных высоким музыкальным искусством, к каким причисляли себя богатые дачники⁷⁹.

Итак, нищий балканец, просящий милостыню на летних дачах с обезьянкой и бубном либо шарманкой – фигура для 1914 года до такой степени привычная, что отсылка к бунинским стихам, судя по всему, вовсе не была нужна ни Ходасевичу (которому они одинаково не годились как для почтительного «развития», так и для полемического «ответа»), ни его аудитории: все совпадения между двумя текстами лежат на совести реальности, а не литературы. И еще один побочный вывод: встреча на томилинской улице Достоевского⁸⁰ не несет в себе ничего странного или экзотического, так что простодушный рецензент неспроста аттестовал стихотворение как «удивительно жизненную картинку»⁸¹. Выйдя за калитку, повествователь застаёт рутинную, ожидаемую и многожды виденную сцену⁸²; чудеса начинаются дальше, с Дария и рукопожатия. Это соответствует и общему замыслу цикла белых стихов из книги «Путем зерна», в который входит «Обезьяна»: в каждом из них прорыв за границы реальности вызван обыденным, предельно неброским внешним впечатлением.

* * *

В русской словесности начала XX века «человек с обезьяной» не просто мелькает там и тут как бытовая примета: примеры его поэтизации (и до, и помимо Ходасевича) частично уже назывались выше. Главных направлений этой поэтизации можно насчитать три. Первое – патриотико-ностальгическое («Ты далеко, Загреб!»)⁸³. Второе – трогательное: таково, к примеру,

⁷⁹ Пискарев П.А., Урлаб Л.Л. Милый старый Петербург: Воспоминания о быте Петербурга в начале XX века / Сост., вступ. ст. и коммент. А.М. Конечного. СПб., 2007. С. 142.

⁸⁰ Адрес в томилинских письмах Ходасевича лета 1914 года – «ул. Достоевского, дача Семиладнова»; традиция называть улицы именами писателей сохраняется в Томилине до сих пор.

⁸¹ Ольдин П. [Лутохин П.А.] [Рец. на:] В. Ходасевич. Счастливый домик / 2-е изд. Пб.: Берлин, 1921; Путем зерна / 2-е изд. Пг., 1922 // Вестник литературы. 1922. № 1. С. 14–15.

⁸² Ср. счастливую формулировку Т.В. Саськовой: «явления будничной экзотики» (Саськова Т.В. Указ. соч. С. 43). Точно расставляет акценты и Н.А. Богомолов: Богомолов Н.А. Сопряжение далековатых: О Вячеславе Иванове и Владиславе Ходасевиче. М., 2011. С. 148 (цитату см. ниже на с. 76; соответствующий раздел этой книги, на который мы еще не раз будем ссылаться, впервые опубликован в виде статьи: Богомолов Н.А. Из заметок о текстах Ходасевича // Озерная школа: Труды пятой Международной летней школы на Карельском перешейке по русской литературе. Поляны [Уусикирйо], 2009. С. 51–58).

⁸³ Улыбающийся серб-шарманщик за пределами стихов для детей встретился нам лишь однажды, у П.Г. Антокольского:

место из «Работы актера над собой» Станиславского, где подставной рассказчик, припомнив хлопоты серба над мертвой обезьянкой – насколько этот эпизод автобиографичен, должны прояснить специалисты⁸⁴, – постигает механику актерского переживания: «Вспоминая распростертого на земле нищего и наклонившегося над ним неизвестного человека, я думаю не о катастрофе на Арбате, а о другом случае: как-то давно я наткнулся на серба, склоненного над издыхавшей на тротуаре обезьянкой. Бедняга, с глазами, полными слез, тыкал зверю в рот грязный огрызок мармелада. Эта сцена, по-видимому, тронула меня больше, чем смерть нищего. Она глубже врезалась в мою память. Вот почему теперь мертвая обезьяна, а не нищий, серб, а не неизвестный человек, вспоминаются мне, когда я думаю об уличной катастрофе»⁸⁵. Уже в эмиграции Дон-Аминадо подытожил мотив: «Ноет шарманка. Рапсодия Листа. / Серб. Обезьянка в пальто. / Я вспоминаю Оливера Твиста, / Диккенса, мало ли что...» («Март месяц», 1926). Он легко сочетается и с ностальгической составляющей; ср., например, у Лидина: «Мы, дети, думали, наверно, о Марице, о Сербии, где, видимо, бедно и голодно живет, думали и о тропических странах, откуда привезли в холодную Россию умирать обезьянку...»⁸⁶

Для сентиментальных рассказов о безответных обезьянщиках и их беззащитных питомцах русские беллетристы (отталкиваясь, скорее всего, от европейских моделей)⁸⁷ изображают подчас замысловатейшие коллизии. Так, в «Случае» Н.Д. Телешова⁸⁸ мастера спасают замерзающего чужестранца (судя по тому, что к нему обращаются «мусью», это припозднившийся савояр), а затем, потрясенные его песней о родине и исполнившись жалости к обезьянке, грабят винную лавку, чтобы отправить его домой. В «Шарманщике» С.А. Поспелова⁸⁹ еврей из западноукраинского местечка, уступая напору коварного проходимца («Рубиса считали греком, но точного происхождения его никто не знал; одни говорили, что он цыган, другие – молдаванин»), покупает его шарманку и обезьянку, после чего решает переменить судьбу и вместе с семьей и пожитками уезжает играть на ярмарке⁹⁰; в конце концов толпа пьяных погромщиков линчует зверьку («Проклятая жидова наняла себе на службу дьявола») и избивает его хозяина⁹¹. В ноябре 1914 года в первом военном номере «Нового журнала для всех» (несколько месяцев после объявления войны многие русские журналы не выходили), рядом со сценами

«И дети шли с хлыстами верб / По солнечным бульварам, / С шарманкой шел веселый серб / И с попугаем старым» («Весна от Воробьевых гор...», 1918, 1975); обыкновенно они печальны.

⁸⁴ Между прочим, в новелле многолетней сотрудницы Станиславского Л.Я. Гуревич «К солнцу» среди путано-тревожных сцен, являющихся героине в полусне, есть и такая: «Потом представился маленький, не говорящий по-русски итальянец с растерянными глазами, с мертвой обезьянкой на руках. Откуда это? Кто-то из знакомых, кажется, видел и рассказывал» (Образование. 1905. № 1. С. 183).

⁸⁵ Станиславский К.С. Собр. соч.: В 8 т. Т. 2 / Подгот. текста, вступ. ст. и примеч. В.Г. Кристи. М., 1954. С. 223, 225. Напутствие, которое в ответ на эти признания дает герою его театральным наставник, процитировано выше в эпиграфе.

⁸⁶ Лидин В.Г. Указ. соч. С. 198.

⁸⁷ Здесь первым приходит на ум роман Гектора Мало «Без семьи» (1878, русский перевод – 1886). Ср. также в рассказе Бунина «Тишина» (1901): «А вон Савоя – родина тех самых мальчиков-савояров с обезьянками, о которых читал в детстве такие трогательные истории!»

⁸⁸ Указавший нам на этот текст М.В. Безродный отметил, что его первую публикацию (Нижегородский сборник. СПб., 1905. С. 305–313) рецензировал Ходасевич; в его ироническом отзыве телешовский рассказ назван в ряду «написанных в обычном стиле „Знания“» (Собр. соч. II, 29).

⁸⁹ Русская мысль. 1906. № 6. С. 1–36; отд. изд.: М., 1911.

⁹⁰ Странное видение «жида-покупщика», бродящего с отобранной за долги шарманкой, возникает и в «Шарманщике» Георгия Иванова (1912).

⁹¹ Так же гибнет обезьяна в бунинской «Чаше жизни». Любопытно возрождение штампов дореволюционной беллетристики у советских писателей: так, в повести В.И. Смирнова обезьянку зашедшего на рабочую окраину Петрограда шарманщика-грека убивает черносотенец, в мистическом экстазе приняв ее за черта (Смирнов В.И. Ребята Скобского дворца. [М.] 1964. С. 82–84; время действия – 1916–1917 годы). В автобиографическом романе А.В. Кожевникова (1975) рассказана история бродяги-«сербienка» Хмарого, у которого московский вор отнимает обезьянку Лю-Лю; от горя тот впадает в транс и не переставая колотит в бубен. В качестве *deus ex machina* в дело вмешивается милиционер и арестовывает вора, «дав предупредительный выстрел»; воссоединившиеся герои вступают в детскую коммуну (Кожевников А.В. Ветер жизни. М., 1984. Кн. 2. С. 348–359; время действия – 1922–1924 годы, когда автор работал воспитателем в приемнике для беспризорных детей).

немецких бесчинств в Польше и поминальной фотографией Реймского собора, появился рассказ Людмилы Ануфриевой «Из бумаг писательницы». Его героиня видит смерть обезьянки в дачном поселке на берегу Финского залива: посреди уличного представления зверек, истязаемый «черным человеком», падает навзничь, кровь хлещет из его горла фонтаном, оставляя равнодушными досужих зрителей. В отчаянии писательница кричит им о Дарвине («Чарльз – по-русски Карл»), о родстве обезьян и людей («Так вот, если б ваш ребенок вот так же на цепочке в красной юбочке, и притом больной...»); вскоре, однако, выясняется, что все это лишь фантазия экзальтированной героини, переживающей расставание с женихом, и одновременно сюжет ее будущего рассказа⁹². Симптоматично, что в каждом из этих текстов упомянуты, в качестве значимых «сострадательных» деталей, взгляд обезьянки и прикосновение ее лапки (у Телешова: «человеческая рука, темная и сморщенная, высунулась из-за пазухи незнакомца и скребнула ногтями по чужому кулаку», «окидывала компанию печальным человеческим взглядом»; у Пospelова: «глаза ее выражали грусть и растерянность», «пес получил удар <...> маленькой холодной обезьяньей лапкой»; у Ануфриевой: «... глаза мои неожиданно встречаются со взглядом, который переворачивает во мне всю душу. Станный взгляд маленьких человеческих глаз.!!», «это жуткая, крошечная человечья рука»). Вообще оба эти элемента встречаются в соответствующих контекстах многократно – и порознь, и в комбинации, как в тургеневском «Морском плавании», о котором пойдет речь в главе 4, у цитирувавшегося выше Лидина или у Шолом-Алейхема: «Иногда давал представление цыган с обезьяной. Цыган и обезьяна – оба на одно лицо, будто их одна мать родила: <...> оба смотрят одинаково жалобными глазами, протягивая за подаванием волосатые грязные, худые руки»⁹³.

Наконец, третье направление, к которому примыкают и стихи Ходасевича, – мистическое: обезьянщик предстает загадочным пришельцем из дальних стран, а его зверек – сказочным чудищем, обладающим скрытой силой и знанием. Поначалу, у бытописателей второй половины XIX века, таким взглядом на обезьян и их вожатых наделяются либо дети, либо носители фольклорного сознания вроде неграмотной служанки из романа О.А. Рабиновича «Калейдоскоп» (1856) – диккенсовской истории о столкновении благородной бедности с жестокосердным богатством на фоне панорамы одесской жизни:

Она видела что-то зловещее в этом сверхъестественном, по ее мнению, существе, которое выпытывает глаза; вот-вот, думала Гапка, заговорит оно про черный бор, про темный лес, про Лукьяна-повара... <...> Наконец, шарманка заиграла галоп и Берта завертелась как бешеная, купаясь будто в красном пламени, которое, от быстроты поворотов, образовывали собой развевающиеся полы ее красного спенсера. Дети хлопали в ладоши и хохотали,

⁹² Ануфриева Л.И. Указ. соч. С. 9–14. В 1908 году, препровождая Нине Петровской книгу Ануфриевой «Рассказы» для рецензии в «Весах», Брюсов писал: «Кажется, ученица Андреева» (Валерий Брюсов, Нина Петровская: Переписка, 1904–1913 / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. Н.А. Богомолова и А.В. Лаврова. М., 2004. С. 279). Уничтожающую рецензию Петровской см.: Петровская Н.И. Разбитое зеркало: Проза. Мемуары. Критика / Сост. М.В. Михайловой, вступ. ст., коммент. М.В. Михайловой и О. Велавичюте. СПб., 2014. С. 535–536 («нечто исключительное по безвкусию»; «что же касается „направления“ рассказов, то оно пленяет нас очаровательно-наивным дамским либерализмом и гуманностью»).

⁹³ Шолом-Алейхем. С ярмарки [1913–1916] / Пер. Б.А. Ивантера, Р.Р. Рубиной // Он же. Собр. соч.: В 6 т. М., 1960. Т. 3. С. 460 (действие происходит в Переяславле). Поучителен пассаж из известной книги Л.В. Успенского, где в традиционном эпизоде дворового концерта шарманщика – с попугаем и мальчиком-акробатом – возникает, в силу тематической инерции, невидимая, но неминуемая обезьянка: «И вот музыканты собрали свое имущество и уходят прочь. Старший – привычно согнувшись на один бок под грузом шарманки, глядя в землю, трудно кашляя на ходу. Младший – посверкивая детскими, но уже много знающими глазами, глазами не то „di Santo Bambino“, не то обезьянки-макаки, жгучими и грустными» (Успенский Л.В. Записки старого петербуржца. Л., 1970. С. 75; время действия – ок. 1906 года). В этой связи совершенно превратной представляется оценка Г.Г. Амелина и В.Я. Мордерера (Амелина Г.Г., Мордерер В.Я. Указ. соч. С. 232): «И вообще обезьяна, глядящая с тоской и печальной мудростью, – какой-то страшный подвох, нонсенс, потому что она, обезьяна, – синоним глупой беспечности и игры. <...> Оба поэта (Бунин и Ходасевич. – В.З.) ломают этот культурный стереотип, давая образ в совершенно ином разрезе».

а Гапка незаметно перекрестилась и выбежала вон из комнаты, чтобы снова не попасть под пытливый взгляд обезьяны⁹⁴.

Начало XX века принесло этому мотиву бурное развитие. Густо-символическая атмосфера «Анатэмы» Леонида Андреева (1909) окрашивает и философствующего нищего Шарманщика (в спектакле Художественного театра эту роль играл Н.Ф. Балиев, будущий знакомец и работодатель Ходасевича), которому, как выясняется по ходу пьесы, ни Бог, ни дьявол не в силах даровать новую обезьяну взамен умершей. «Древнюю печать навек одичалой мудрости» прозревает на мордочках мартышек из бродячего цыганского зверинца герой повести Пастернака «История одной контроктавы» (1916–1917): «Мелочно и угрюмо помаргивая, слушали они протяжную музыку шарманки так, как будто эта музыка была выношена ими в их мартышечьих волосатых утробах»⁹⁵. «Древняя мудрость» в обличье нищеты, одичания – сочетание, ключевое для «Обезьяны» Ходасевича («...Никто в мои глаза / Не заглянул так мудро и глубоко...»; «Глубокой древности сладчайшие преданья / Тот нищий зверь мне в сердце оживил...») – может характеризовать не только зверька, но и его хозяина, в первую очередь в цыганской ипостаси: причастность цыган тайнам баснословной архаики стала в русской литературе общим местом⁹⁶.

К этому направлению следует отнести уже упоминавшихся «Чашу жизни» Бунина и «Сфинкса» Белого, однако не только их. В ноябре 2012 года профессор Еврейского университета в Иерусалиме Аминадав Дикман в лекции «Русская и израильская словесность в компаративном аспекте», состоявшейся на очередном фестивале медленного чтения проекта «Эшколот» в подмосковном Воскресенском, поделился интереснейшим наблюдением, которое мы воспроизводим здесь с его разрешения: у «Обезьяны» Ходасевича есть своего рода двойник – одноименные стихи Давида Шимоновича (Шимони). Любезно откликнувшись на нашу просьбу, иерусалимский поэт и филолог-классик Хава Броха Корзакова отыскала это стихотворение 1907 года в обширном поэтическом корпусе Шимоновича и выполнила его подстрочный перевод с иврита; оригинал написан шестистопными дактилями со сложной, варьирующейся в пределах стихотворения рифмовкой:

Тогда шли одинокие дожди и падали на холодную землю,
Стучали по камням пола и прятались между щелями;
Был не день и не ночь; распространялся густой, немой туман;
Стены и ограды темнели и углублялись в темные мысли,
Иногда долетал одинокий звук, бежавший с далеких улиц,
И сообщал, что далеко в городе⁹⁷ волна жизни все еще шумит и
восстает,
И спешил вернуться к своим братьям; и снова оставался я
восставшим сиротой,
Ныряя в глубокий сон, который не породит снов...

⁹⁴ Рабинович О.А. Соч.: [В 3 т.] Одесса, 1888. Т. 2. С. 60–61.

⁹⁵ Пастернак Б.П. Полн. собр. соч.: В 11 т. М., 2004. Т. 3 / Сост. и коммент. Е.Б. Пастернака и Е.В. Пастернак. С. 375.

⁹⁶ Ограничимся двумя примерами, хронологически обрамляющими эпоху. В рассказе Гаршина «Медведи» (1883) ночью накануне предписанного властями истребления ручных медведей один из цыган запекает, посреди спящего табора, «странную песню на родном языке, не похожую на песни московских цыган и опереточных певиц, своеобразную, дикую, заунывную, чуждую для уха, донесшуюся откуда-то из неизвестной темноты... Никто не знает, когда сложена она, какие степи, горы и леса породили ее; она осталась живым свидетелем старины, забытой и тем, кто поет ее теперь под чужим, горящим звездами небом, в чужих степях...»; в «Фанданго» Грина (1927): «Завидев цыган, невольно старался я уловить след той неведомой старинной тропы, которой идут они мимо автомобилей и газовых фонарей...». Что им история? эпохи? сполохи? переполохи? Я видел тех самых бродяг с магическими глазами, каких увидит этот же город в 2021 году...

⁹⁷ Стихотворение написано в Киеве.

Молча смотрел я в чердачное окошко: что и кто у меня есть в этой стране?

Мне кажется, что мое сердце охватили холодные лапы насекомого...

Вдруг под моим окном раздался странный крик,
Разорвал покров тумана и тихое жужжание дождя;
В нем кипело отчаяние грешника и шумел гнев пропащего,
Кричал в нем от боли мужчина и плакала тоска женщины;
На склоне покоилась смесь тьмы и бледного света,
Мое сердце потряс чудный звук, и я резко посмотрел вниз:
Молчаливый цыган поклонился и дернул за железную цепь,
И стала танцевать, и закричала молодая обезьяна... И увидел я
сквозь туман:

В глазах у обезьяны что-то дрожало, в глазах у обезьяны что-то горело,

И на секунду заблудилось во мне мое сердце, и я понял: это было горе...

Кто же зажег огонь в ее глазах? О чем она так сожалела?

На кого она сейчас так гневается? Кого сейчас проклинаят и честит?

И вдруг упала цепь... И обезьяну стало трясти, и она закричала...

И где же тьма? И куда она пошла? Куда убежала?

Нет оград и стен... Нет цыгана, обезьяны и нет дождей...

Небеса глубоки, небеса – сверкающие и высокие...

Лес дремлет, древний лес, бесконечный...

На ткани ковра он отдыхает, закутан в великолепие и совершенство красоты...

И поддерживают облака огромные деревья своей кроной,

И чудесная жизнь сплетается в тайниках их навеса...

Предаются любовной игре и тихо скачут сапфировые ручьи,

И разбивает водой свою жажду стадо могучих слонов...

Бегают тигр и скрывается между шалашами ветвей...

Блестят и пропадают в воздухе змеи и крылатые существа...⁹⁸

И страшный рык вдруг поднимается в пространстве,

И немое расстояние вдруг превращается в ужас Господень,

И вдруг – снова вселенский мир, и райский покой,

И нежные мотивы доносятся на крыльях пения,

И веселые и радостные обезьяны борются, поднимая пыль,

В тайниках мыслей предаются любовной игре, обнимаются...

И вдруг...

...Нет небес, нет леса... Цыган пропал, и его обезьяна...

И больше я не видел его, и не знаю, каков его конец,

Но в моем сердце до сих пор живет его тоска и его великое горе,

И я чувствую в своих странствиях: я не один в мире...⁹⁹

⁹⁸ Букв. «сарафы», они же «серафимы». – Примеч. Х.Б. Корзаковой.

⁹⁹ Shimoni D. Shirim. Tel Aviv, 1954. К. 1. D. 23–24.

Сходство «Обезьяны» Ходасевича с этими стихами много интереснее, чем с бунинскими: в обоих случаях встреча с нищим преображает бессобытийную, застывшую реальность (у Ходасевича – окутанную дымом и оглашаемую криком петуха с соседней дачи, у Шимоновича – окутанную туманом и оглашаемую «одиноким звуком, бежавшим с далеких улиц»); в обоих случаях пантеистическое озарение вызывается пристальным взглядом зверя; в обоих случаях рассказчик ощущает сродство с сербом / цыганом и его обезьянкой («...Ни одна рука / Моей руки так братски не коснулась...»; «И я чувствую в своих странствиях: я не один в мире»). Более того, Ходасевич мог узнать об «Обезьяне» своего ровесника Шимоновича от Л.Б. Яффе, с которым они с осени 1917 по весну 1918 года интенсивно работали над «Еврейской антологией» – сборником современной поэзии на иврите, вышедшим в июле в издательстве «Сафрут»; Шимонович в это время также жил в Москве и общался с Яффе. «Мы работали ежедневно по несколько часов – долгих часов, – вспоминал Яффе в статье, посвященной памяти Ходасевича. – <...> Ходасевич садился против меня, сутулый, с худым и болезненным лицом. Лишь глаза лучились светом разума и душевного волнения. Мы читали подстрочники и решали, кому из поэтов давать стихотворение для перевода; читали также литературные переводы, которые уже были перед нами» (пер. с иврита Зои Копельман; ИЕП, 17)¹⁰⁰. В «Антологию» вошли переводы пяти стихотворений Шимоновича, и два из них выполнил весной 1918 года Ходасевич – «Последний самарянин»¹⁰¹ и «На реке Квор»; при этом из тех же воспоминаний Яффе известно, что он и Хаим Гринберг изготовили для книги значительно больше подстрочников, чем оказалось в результате использовано¹⁰².

Впрочем, увлечься вопросом «читал или не читал» означало бы попасться в ту же ловушку, которую уготовила исследователям Ходасевича бунинская параллель: как представляется, предметом анализа здесь должны стать не точечные «влияния», а механизм символического осмысления повседневной детали, иначе говоря – история топоса, который в 1900–1910-е годы переживал пору энергичной разработки. А.К. Лозина-Лозинский посвятил шарманщикам с обезьянками сразу два стихотворения; и если первое из них¹⁰³ целиком уместится в рамки «трогательной» парадигмы, то в финале второго, написанного в августе 1914 года (впрочем, без каких-либо аллюзий на начало войны) и опубликованного лишь в XXI веке, шарманщик преображается в архетипического изгнанника, а обезьянка – в эмблему поэтического вдохновения:

Бродяга-музыкант с смешною обезьянкой,

¹⁰⁰ О работе Ходасевича и Яффе над сборником см. также: *Бернхардт Л. В.Ф.* Ходасевич и современная еврейская поэзия // *Russian Literature*. 1974. Vol. 3. P. 21–31 (там же впервые опубликованы четыре письма Ходасевича Яффе, в последнем из которых, отправленном в сентябре 1922 года в Палестину, Ходасевич писал: «Знаете ли, что Вы – одно из немногих самых светлых моих воспоминаний, когда я думаю о тяжелых временах московской жизни в 1917–1918 гг.? И знаете ли, что Вы навсегда останетесь одним из самых любимых моих людей?»); *Мазовецкая Э.И.* Поэзия на иврите в переводах русских писателей // *Русская литература*. 2003. № 2. С. 174–176; *Лавров А.В.* Лейб Яффе и «Еврейская антология»: К истории издания [2010] // Он же. *Символисты и другие: Статьи. Разыскания. Публикации*. М., 2015. С. 516–535. Не разделяя гипотезы, согласно которой встреча с сербом и обезьяной означает встречу Ходасевича с Яффе и ивритской словесностью, «вполне возможно, казавшейся ему прежде чем-то вроде диковинного зверя из зоопарка культуры» (*Бар-Йосеф Х.* [Рец. на:] Ходасевич В.Ф. Из еврейских поэтов. М.; Иерусалим, 1998 // *Вестник Еврейского ун-та в Москве*. 1999. № 2 [20]. С. 367), мы тем не менее еще не раз будем упоминать на этих страницах имена авторов «Еврейской антологии»: их влияние прослеживается во всем цикле белых стихов из «Путем зерна».

¹⁰¹ «Последний самарянин», как и «Обезьяна», принадлежал к числу четырех стихотворений, которые Шимонович напечатал в 1906–1907 годах в знаменитом лондонском журнале «ha-Me'orer», издававшемся Йосефом Хаимом Бреннером для еврейской аудитории в России (ИЕП, 66–67); со времени гибели Бреннера во время погрома в Яффе (1921) оба они публиковались с посвящением «Й.Х.Б.».

¹⁰² ИЕП, 15.

¹⁰³ «Пред открытым окном бродячий итальянец...» (опубл. 1913); *Лозина-Лозинский А.К.* Противоречия: Собрание стихотворений / Сост., подгот. текста и коммент. К. Добромилского. М., 2008. С. 223.

Пугливым существом, прижавшимся к плечам,
Бродил по улицам с хрипящею шарманкой,
По равнодушнейшим и каменным дворам.

Скучая, музыка банально дребезжала,
Пока на мостовой не зазвенит пятак,
А обезьяночка по-детски танцевала,
Покорно веруя, что людям надо так.

О чем, о чем он пел мертво и монотонно?
Романсы нищеты и песенки рабов...
А обезьяночка мечтала удивленно
О Ганге, Индии, фантастике лесов...

Случалось, что ее бивал ее хозяин,
Случалось, что и он бывал побит толпой,
И звался музыкант – поэт великий – Каин,
А обезьяночка звалась его душой¹⁰⁴.

Во внимательно-отстраненном описании Ходасевича выделяются слова «кожаный ошейник <...> давил ей горло» (ст. 11–13): поэт на миг смещает фокус с наблюдения на вчувствование, передавая уже не впечатления стороннего зрителя, но ощущения самого зверька. В традиции мистического восприятия нищего балканца с обезьяной есть особый извод, когда авторы «переселяются» в тело обезьянки и смотрят на мир ее глазами. В письме Мейерхольда актрисе Валентине Веригиной (23 мая 1906 года), процитированном в мемуарах адресата, идет речь об эмоционально тяжелых полтавских гастролях Товарищества новой драмы; образ бродячей обезьянки возникает сперва как метафора актерской несвободы, но затем разворачивается в самоценную фиксацию медиумического опыта:

Видел, как люди гнались за рублем. Мне надевали петлю на шею и волочили меня по пыльным и грязным дорогам, по топким болотам, в холод и зной туда, куда я не хотел, и тогда, когда я стонал. И мне казалось, что на мне кумачовый женский костюм с черными кружевами, как на обезьянке, которую нищий болгарин тычет в бок тонкой палочкой, чтобы она плясала под музыку его гнусавой глотки. Эти монотонные покачивания песни хозяина-деспота, этот красный кумач на озябшей шерсти обезьяны – кошмар. Кошмар и наша «пляска» за рублем, но... часы грез все искупали...¹⁰⁵

О том же – стихотворение Нины Манухиной «Обезьянка» (1922). Манухина наверняка прочла Ходасевича, но сюжетная ситуация ее стихов совсем на него не похожа и заставляет вспомнить скорее «Шарманку» Нарбута (1912), где лирический субъект отождествляет себя с шарманщиком («Стонет развалина-шарманка, / Сохнет и шелушится крик, / Серый акробат – обезьянка – / Топчется – сморщенный старик. / <...> Капай, одиночество, капай, / Чашу наполняй до поры – / Буду и я со шляпой, / Кланаясь, обходить дворы...»)¹⁰⁶:

¹⁰⁴ Там же. С. 499; за указание на этот текст мы признательны А.Л. Соболеву. К отождествлению «обезьянщик – поэт, обезьяна – поэзия» ср. обсуждаемые чуть ниже стихи Г.А. Шенгели «Музе»; Сара Дикинсон постулирует его и для «Обезьяны» Ходасевича (*Dickinson S. Op. cit. P. 160*).

¹⁰⁵ Веригина В.П. Воспоминания. Л., 1974. С. 85.

¹⁰⁶ Кроме того, «Обезьянка» Манухиной очевидным образом составляет пару с написанным в том же году программным стихотворением «Музе» Георгия Шенгели (который вскоре станет ее мужем). Как ни велика опасность превратить комментарий в антологию, мы не можем не привести эти стихи полностью; в жанре аллегории уязвимые стороны дарования Шенгели –

Захлебнулась шарманка «Разлукой»
По дворам и в пролеты лет,
Закрутил ее серб однорукий,
Смуглолицый сутуля скелет.

На плечо я к нему броском,
Зябко ежиться от озноба,
А в груди распирает ком –
Человечья скупчивая злоба.

Хлещет окрик – и спрыгну плясать
И умильные корчить рожи,
Полустертые цепко хватать
Медяки, что на дни похожи.

В апельсин золотой вцепясь,
Поднесла невзначай ко рту,
Да косится хозяин, озлясь,
Сочный плод с размаху – в картуз,

А потом, слюну проглотив,
Замигаю, закрою веки,
И опять неотвязный мотив,
И опять на плечо калеки...

Так идем от двора к двору,
Я забыла – что явь? что бред?
Но боюсь одного: умру –
Серб немедля пойдет вослед¹⁰⁷.

Таков бытовой и литературный фон, на котором стихотворение Ходасевича воспринималось его первыми читателями. Другой круг ассоциаций (опять-таки затрагивающих одновременно и памятную современникам реальность, и уже успевшую ее преобразить литературу) связан со временем действия «Обезьяны», которое обозначено в заключительном стихе – «В тот день была объявлена война».

риторичность и дидактический схематизм – обратились в достоинства, породив, на наш взгляд, едва ли не лучшую его вещь и одновременно один из самых значительных «обезьянных» текстов русской поэзии: «Я груб и неумыт, я на ветру дрожу / В одежде порванной, истленной. / Мне надо жить и есть, – и по дворам хожу / С тобою, с обезьянкой пленной. / В лоскутной курточке, с гремушкой, с бубенцом, / Вся опушившись шерстью зябкой, / Ты сахару кусок сжимаешь кулачком, – / Такою человеческой лапкой. / И, озираючись на раздраженный хлыст, / Ты представляешь все, что надо: / Как служит мессу ксендз, как плачет гимназист, / Как вьется меж ветвей дриада. / Мальчишки норовят тебя толкнуть, щипнуть, – / Ты ничего не замечаешь. / Ты слабо кашляешь и вдавленную грудь / Ладонью узкой согреваешь. / Отдать бы, уступить! В тепло!.. Но без тебя / Кто денег мне на бубен бросит? / И вот тебя вожу, терзая и знобя, / Пока обоих смерть не скосит!» (*Шенгели Г.А.* Норд. М., 1927. С. 5–6; сборник посвящен Манухиной). Стихи вызвали нарочито громко выраженное возмущение А.З. Лежнева («Муза, работающая из-под хлыста и только потому, что надо „жить и есть“ – опомнитесь, Георгий Шенгели! Зачем вы клевете на себя!» [*Красная новь*. 1926. № 2. С. 239]) и «домашнюю» пародию И.И. Пузанова, в которой муза-обезьянка соотнесена с Манухиной (опубл.: *Молодяков В.Э.* Георгий Шенгели: Биография. М., 2016. С. 300–301).

¹⁰⁷ *Манухина Н.Л.* Смерти неподвластна лишь любовь / Сост., подгот. текста, послесл. В.Г. Перельмутера. М., 2006. С. 7–8. Связь этих стихов с «Обезьянами» Ходасевича и Бунина отмечена публикатором в послесловии (Там же. С. 69; *Перельмутер В.Г.* Айсигена // *Toronto Slavic Quarterly*. 2006. Vol. 16 [sites.utoronto.ca/tsq/16/manukhina16.shtml]).

2. «Была жара. Леса горели»

Таким образом, жили мы в двух мирах. Но, не умея раскрыть законы, по которым совершаются события во втором, представлявшемся нам более реальным, нежели просто реальный, – мы только томились в темных и смутных предчувствиях. Все совершающееся мы ощущали как предвестия. <...> Маленькие ученики плохих магов (а иногда и попросту шарлатанов), мы умели вызывать мелких и непослушных духов, которыми не умели управлять.

– Ходасевич. Муни

Среди дачников, проводивших лето 1914 года в Томилине, был еще один литератор – Дон-Аминадо, знакомый Ходасевича по московским богемным кружкам. Его мемуары, написанные в пятидесятые годы, рисуют предвоенную обстановку вполне безмятежной: ни о дыме лесных пожаров, ни о духоте, ни о зловещем густо-красном солнце не говорится вовсе, и даже бродящий по дачам продавец ягод, не в пример сербу Ходасевича, благообразен и гармонирует с пейзажем.

В Томилине, под Москвой, на даче Осипа Андреевича Правдина¹⁰⁸, тишь да гладь, да Божья благодать.

В аллеях гравий, камешек к камешку, от гвоздик и левкоев, от штамбовых роз чудесный, одуряющий запах.

Клумбы, грядки, боскеты, площадка для тенниса, в саду скамейки под высокими соснами, на террасе, на круглом столе, на белоснежной скатерти, чего только не наставлено! Сайки, булки, бублички с маком, пончики, цельное молоко в глиняных кувшинах, сметана, сливки, варенье разное, а посередине блеском сверкающий медный самовар с камфоркой, фабрики братьев Баташёвых в Туле.

И все это – и сосны, и розы, и сад, и самовар, и майоликовый фонтан с золотыми рыбками, – все залито высоким, утренним, июльским солнцем, пронизано голубизной, тишиной, блаженством, светом.

– Вот я с малинкой, с малинкой пришел... Ягода-малина, земляника свежая! – четким тенорком расхваливает товар парень за калиткой.

Глаза молодые, лукавые, веселые, картуз набекрень, в раскрытый ворот рубахи видна крепкая, загорелая грудь, идет от него сладкий мужицкий запах пота, курева, кумача.

Олеография? Опера? Пастораль?

Было? Не было? Привиделось, приснилось?

«Столица и усадьба», под редакцией Крымова?

Или так оно и есть, без стилизации, без обмана, как на полотне Сомова в Третьяковской галерее?..

В лесу грибами пахнет, на дачных барышнях светлые платья в горошину, а на тысячи верст кругом, на запад, на восток, на север, на юг, за горами, за

¹⁰⁸ Артист Малого театра (настоящее имя Оскар Августович Трейлебен, 1849–1921): «у себя на даче, под Москвой, в Томилине, он завел образцовое хозяйство» (Кара-Мурза С.Г. Малый театр: Очерки и впечатления, 1891–1924. М., 1924. С. 203).

долами, в степях, в полях, на реках, на озерах, от Белого моря до Черного моря, – все как тысячу лет назад!¹⁰⁹

Странный диссонанс между воспоминаниями двух томилинских жителей, затрагивающий, как видим, даже погоду, объясняется противоположностью их художественных стратегий. Исследуя многочисленные описания лета 1914 года в английской литературе, подобные приведенному отрывку из Дон-Аминадо, Пол Фассел определяет их как «стандартную романтическую ретроспекцию, окрашенную в еще более розовые цвета за счет контраста с тем, что последовало. <...> В современном воображении это последнее лето приобрело статус непреходящего символа чего-то невинного, но утраченного безвозвратно»¹¹⁰. Недаром автор «Поезда на третьем пути» завершает главку библейской аллюзией: «Горе мудрецам, пророкам и предсказателям, которые все предвидели, а этого не предвидели. Не угадали»¹¹¹. «Обезьяна» Ходасевича, напротив, занимает место в не менее представительной традиции *предчувствий мировой войны*.

Как это случается, вероятно, с любой катастрофой такого масштаба, война 1914 года была воспринята современниками одновременно и как гром среди ясного неба, и как роковая закономерность: по формуле Шкловского, «ее все ждали, и все в нее не верили»¹¹². Попытки осмыслить «день и час, когда „громыхнуло“ впервые»¹¹³ начались сразу же: тема «Первый день войны» уже с осени 1914 года предлагалась для сочинений школьникам¹¹⁴; позднее Георгий Иванов в дежурных стихах воображал, какие чувства вызовет эта дата у послевоенных поколений¹¹⁵. Независимо от ожиданий, которые связывает с войной тот или иной автор, день ее начала описывается как необратимый перелом («утром еще спокойные стихи про другое, <...> а вечером вся жизнь – вдребезги»¹¹⁶), и строки Ходасевича «...Нудно / Тянулось время. На соседней даче / Кричал петух. Я вышел за калитку» обогащаются обертонами в сопоставлении как с газетным очерком В.В. Муйжеля «Война и деревня» («И все ждало: страстно, настойчиво и жадно. <...> Та же напряженная, знойная тишина стояла вокруг, и внезапный, хриплый крик петуха бил в ней, как таинственные часы...»¹¹⁷), так и с письмом Пастернака родителям (конец июля 1914 года): «День как в паутине. Время не движется. <...> В последний день, быть может, 19-го, когда действительность еще существовала и выходили еще из дому, чтобы вернуться затем домой»¹¹⁸.

¹⁰⁹ Дон-Аминадо. Поезд на третьем пути / Послел. Ф.Н. Медведева. М., 1991. С. 146–147. См.: Попов В.Н. Дача с фонтаном // Томилинская новь. 2001. № 13/14. 11 дек.

¹¹⁰ Фассел П. Великая война и современная память / Пер. с англ. А.В. Глебовской. СПб., 2015. С. 48.

¹¹¹ Дон-Аминадо. Поезд на третьем пути. С. 148.

¹¹² Шкловский В.Б. Собр. соч.: В 3 т. М., 1973. Т. 1. С. 117.

¹¹³ Белый А. Гремящая тишина [1916] // Политика и поэтика: Русская литература в историко-культурном контексте Первой мировой войны: Публикации, исследования и материалы / Отв. ред. В.В. Полонский. М., 2014. С. 175. Образцовый комментарий Е.В. Глухой и Д.О. Торшилова в числе прочего содержит *catalogue raisonné* разнообразных военных предчувствий, о которых вспоминал Белый в своих позднейших автобиографических текстах (Там же. С. 211).

¹¹⁴ Березина А.Н. Семья. Школа. Революция. 1902–1920 / Сост. А.К. Гаврилов. СПб., 2015. С. 155 (об этих мемуарах и их авторе мы вскоре будем говорить более подробно); Школьные сочинения о Первой мировой войне / Публ. М.В. Боковой // Российский архив. М., 1995. Т. 6. С. 449–458.

¹¹⁵ «Как странно будет вам, грядущие потомки, / Небрежно оборвав листок календаря, / Вдруг вспомнить: „В этот день спокойные потемки / Заггла в недобрый час кровавая заря!“» («Войне», 1917).

¹¹⁶ Запись Ахматовой от 1 августа 1965 года (Записные книжки Анны Ахматовой / Сост. и подгот. текста К.Н. Суворовой. М.; Турин, 1996. С. 652). Ср. начало главы о войне в воспоминаниях С.М. Волконского (1921–1924): «Война застала меня... – Нет, только, пожалуйста, не так. – А что? – Так все начинали. Так начинается всякий рассказ о войне. – Совершенно верно. Война всякого где-нибудь „заставала“...» (Волконский С.М. Мои воспоминания. М., 1992. Т. 2. С. 220).

¹¹⁷ Биржевые ведомости. 1914. № 14314. 16 авг. В июне – июле 1914 года Муйжель жил на Псковщине; выдержки из его предвоенных писем В.Д. Бонч-Бруевичу см.: Пехтерев А.С. Творчество В.В. Муйжеля в годы Первой мировой войны (1914–1918) // Русская литература XX века (дооктябрьский период). Тула, 1976. Сб. 8. С. 92.

¹¹⁸ Пастернак Б.П. Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. 7 / Сост. и коммент. Е.В. Пастернак, М.А. Рашковской. М., 2005. С. 193.

Осмысление это пошло по двум путям, каждый из которых предоставлял свои драматические возможности: с одной стороны, подчеркивалась наивная слепота перед лицом «событий», с другой – вспоминалась тревога, перечислялись знаки, задним числом вскрывалась неизбежность случившегося. Эти колебания между «я предчувствовал» и «я не подозревал», проявляющиеся подчас у одних и тех же людей, прослежены в монографии Бена Хеллмана, специальный раздел которой посвящен откликам на начало войны у восьми главных поэтов символистского круга¹¹⁹.

Между тем, хотя события в последние предвоенные дни развивались стремительно, 19 июля наступило отнюдь не так внезапно, как 22 июня четверть века спустя. Если над беспечной реакцией дачников на сараевское убийство современники иронизируют часто и охотно («войска всей Европы стягивались к границам, <...> а здесь, на золотом побережье Финского залива, никто не перевернулся бы с боку на бок, чтобы спросить у соседа, кто такой Никола Принцип»¹²⁰), то после австрийского ультиматума Сербии 10 июля возможность европейской войны уяснилась со всей отчетливостью и ежедневно обсуждалась газетами¹²¹. 9-го фельетонист московского «Раннего утра» еще сетовал на необходимость высасывать новости из пальца:

Все обыватели на дачах
С хандрой в душе проводят день,
И воздух, душный и горячий,
На них наводит сплин и лень. <...>
Тоска! Тоска! Куда ни взглянешь,
Везде томление и сон!
Чем тут читателя заманишь?
Какой напишешь фельетон?¹²² –

¹¹⁹ *Hellman B.* Poets of Hope and Despair: The Russian Symbolists in War and Revolution. Helsinki, 1995. P. 27–40. Подборку «военных пророчеств» (в которую по недоразумению попало и иллюстративное стихотворение Ходасевича «В немецком городке», написанное в январе 1914 года для кабаре «Летучая мышь» как текст к силуэту работы неидентифицированного немецкого художника) см. также: *Иванов А.И.* Первая мировая война в русской литературе 1914–1918 гг. Тамбов, 2005. С. 160–168.

¹²⁰ *Лившиц Б.К.* Полутораглазый стрелец: Стихотворения, переводы, воспоминания / Сост. Е.К. Лившиц, П.М. Нерлера. Л., 1989. С. 539 (место действия – Куоккала). У Гаврилы Принципа действительно был младший брат Никола, но Лившиц едва ли об этом знал; в контексте всей фразы неверное имя убийцы эрцгерцога может быть не ошибкой, а сознательным искажением. Об откликах прессы на убийство Фердинанда см.: *Кострикова Е.Г.* Русская пресса и дипломатия накануне Первой мировой войны: 1907–1914. М., 1997. С. 160–164 (как подчеркивает исследовательница, постепенное падение интереса к возможным последствиям покушения было отчасти спровоцировано австрийскими властями, демонстративно отправившими в отпуск военного министра и начальника штаба); *Богомолов И.К.* Сараевское покушение 28 июня 1914 г. и его последствия в освещении русской печати // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики (Тамбов). 2014. № 2. Ч. 1. С. 31–35. Поучительно наблюдать, как мемуаристы – уже зная, что «все началось с Сараева», – располагают события в неверном порядке: памяти трудно смириться с тем, что между выстрелом Принципа и объявлением войны прошел целый месяц. См., например, в автобиографическом романе близкого знакомого четы Ходасевичей (1936): «Вокруг Москвы горели леса (двадцатые числа июня. – В.З.). Улицы заволакивало дымом, и дым стоял в них неподвижно, как предутренний туман. <...> В Петербург прибыл Раймонд Пуанкарэ (7 июля. – В.З.). В открытой коляске вместе с царем объезжал войска. <...> И вдруг... „28 июня (т. е. 15-го по старому стилю. – В.З.) в Сараеве гимназист Гаврила Принцип выстрелил из револьвера в проезжавших в автомобиле австрийского эрцгерцога и его жену“. Если бы, если бы знать тогда! Каждый должен был бы исходить криком иступленной боли...» (*Большаков К.А.* Маршал сто пятого дня. Ч. 1: Построение фаланги. М., 2008. С. 180; о «военном мифе» в стихах и прозе Большакова см.: *Богомолов Н.А.* Константин Большаков и война // Русский авангард и война / Ред. – сост. К. Ичин. Белград, 2014. С. 105–121).

¹²¹ *Кострикова Е.Г.* Указ. соч. С. 164–168; *Фишер Л.А.* Образ Германии в русской прессе 1905–1914 годов // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2009. № 97. С. 83–84 (краткий поденный обзор). Ср.: «Газеты стали пахнуть войной уже недели за две до войны» (*Вейдле В.В.* Воспоминания / Публ. и коммент. И.А. Доронченкова // Диаспора. Париж; СПб., 2002. Вып. 3. С. 8; написано в середине 1970-х годов).

¹²² *Хафиз.* Затишье // Раннее утро. 1914. № 155. 9 июля.

но уже в следующем номере газеты, наполненном тревожными известиями о готовящемся ультиматуме, эти стихи появиться не могли бы. 12-го Прокофьев, только что вернувшийся в Петербург из-за границы, был неприятно поражен разговорами друзей: «Заговорили о всемирной войне, висевшей в воздухе, находя ее неотвратимой»¹²³. В этот же день харьковчанин Божидар, раздувая пламя, в котором ему первому суждено будет сгореть, пишет «Битву»: «Знаменами мчится мечь, / Из дул рокошет ярь – / Взивайся, победный шест, / Пья пороха пряную гарь...» С 13 июля (дневник Коллонтай: «Нет, что-то тревожное нарастает»¹²⁴) вводится в действие «Положение о подготовительном к войне периоде»: хотя в прессе об этом по понятным причинам не сообщалось¹²⁵, жившие на дачах и в деревнях видели, как начинаются передвижения войск¹²⁶, как сгоняют крестьянских лошадей для ветеринарного осмотра¹²⁷, и, кроме того, читали письма своих осведомленных столичных корреспондентов¹²⁸. 14-го Сергей Кречетов закликает: «Восстань, иди, пылай, Россия! / Твой жребий зыблется в веках! / <...> Ударил час святого сева: / Из крови мир пышней взойдет!»¹²⁹ Объявление Австрией войны Сербии (15 июля; дневник Блока: «Пахнет войной») и бомбардировка Белграда (16 июля; Цветаева: «Война, война! – каждаенья у киотов / И стрекот шпор...») знаменовались патриотическими демонстрациями в столицах и провинции. Наконец, 17 июля – день, начавшийся с расклейки приказов о частичной мобилизации, а закончившийся объявлением всеобщей (Брюсов: «Свершилось! Рок рукой суровой / Приподнял завесу времен...»), – многие современники восприняли и запомнили как дату начала войны¹³⁰.

Написанную по свежим следам подробную хронику московской жизни этих дней представляет роман Марка Криницкого «Час настал» (1915): роль трех роковых ударов колокола отдана в нем австрийскому ультиматуму («Запахло порохом»), началу австро-сербской войны («Уже никто не сомневался, что придется воевать») и, наконец, мобилизации (новость о которой герой сообщает «таким голосом, каким объявляют о смерти близкого родственника»)¹³¹; с этой минуты для всех персонажей книги начинается военное время, между тем как собственно вступление России в войну вечером 19 июля, после ноты германского посланника Пурталеса министру иностранных дел Сазонову, не фиксируется Криницким вовсе. Подчеркнем, что и действие «Обезьяны» Ходасевича, вопреки общему представлению, нельзя отнести к 19-му числу. В самом деле, согласно «Некрополю», 18-го поэт простался в Москве с

¹²³ Прокофьев С.С. Дневник: 1907–1933. Paris, 2002. Ч. 1. С. 483.

¹²⁴ Коллонтай А.М. Отрывки из дневника 1914 г. Л., 1925. С. 3 (написано на курорте Бад-Кольгруб в Баварии).

¹²⁵ Так, тираж номера «Утра России» за 13 июля подвергся аресту из-за трехстрочной заметки «Перерыв офицерских отпусков» (Московский листок. 1914. № 161. 15 июля).

¹²⁶ Ср. эпизод, сохраненный сразу несколькими из числа писателей, художников и артистов, проводивших лето 1914 года в имении В.В. Бера в Петровском Калужской губернии – Н.П. Ульяновым (*Ульянов Н.П.* Люди эпохи сумерек / Сост., подгот. текста, предисл. и примеч. Л.Л. Правовой. М., 2004. С. 333), Вяч. Ивановым (стихотворение «Темнело. Мимо шли. Привалом...») и Пастернаком (подробнее всего – во втором фрагменте «Трех глав из повести»). К воспоминаниям тогдашних обитателей Петровского мы еще обратимся.

¹²⁷ Степун Ф.А. Бывшее и несбывшееся / Послесл. Ю.И. Архипова. СПб., 1994. С. 259 сл. (Степун жил в Ивановке Бронницкого уезда Московской губернии).

¹²⁸ См., например, подробные отчеты о положении дел, которые А.А. Кондратьев, служивший в канцелярии Государственной думы, отправил 14 июля знакомым Ходасевича Б.А. Садовскому и А.И. Тинякову: *Кондратьев А.А.* Письма Б.А. Садовскому / Публ., подгот. текста С.В. Шумихина, предисл. и примеч. Н.А. Богомолова и С.В. Шумихина // *De Visu*. 1994. № 1/2. С. 16, 34.

¹²⁹ Утро России. 1914. № 161. 15 июля.

¹³⁰ См., например: *Волконский С.М.* Указ. соч. Т. 2. С. 221 («17 июля – объявление войны»); *Иванова Л.В.* Воспоминания: Книга об отце / Подгот. текста и коммент. Дж. Мальмстада. М., 1992. С. 57; *Бугаева К.Н.* Воспоминания об Андрее Белом / Публ., предисл. и коммент. Дж. Мальмстада, подгот. текста Е.М. Варенцовой и Дж. Мальмстада. СПб., 2001. С. 142. В дневнике Кузмина под 18 июля стоит: «Война. Сколько будет убитых» – и примечание публикаторов «Вероятно, запись сделана Кузминым на другой день» едва ли оправдано (*Кузмин М.А.* Дневник: 1908–1915 / Подгот. текста и коммент. Н.А. Богомолова и С.В. Шумихина. СПб., 2005. С. 466, 759).

¹³¹ *Криницкий М.* Час настал / 2-е изд. М., 1918 (= Собр. соч. Т. 12). С. 27, 34, 50.

мобилизованным Муни и они говорили о войне как о свершившемся факте¹³²: днем, когда время еще «нудно тянулось», 19 июля в памяти Ходасевича (в отличие от Пастернака и Ахматовой, находившихся в деревенской глуши) остаться никак не могло. Скорее всего, стих «В тот день была объявлена война» подразумевает 15 июля, когда Австро-Венгрия объявила войну Сербии¹³³; то ли тем вечером, то ли накануне в Томилине, доживавшем последние беспечные часы, состоялся многолюдный «цветочный бал» дачников, увековеченный в московской светской хронике¹³⁴.

В автобиографическом эссе, приуроченном к собственному пятидесятилетию, близкий знакомый Ходасевича П.П. Муратов, скептически оценивая толки о предзнаменованиях («1914 год застал Россию врасплох. <...> Мне говорят, что у многих в начале того лета были страшные предчувствия. У себя я их не помню»), так воспроизвел атмосферу десятых чисел июля:

Я <...> успел несколько раз встревожиться, ожидая военной беды, и несколько раз успокоиться. В имении, находившемся у южного конца Петербургской губернии, где я собирался проводить лето, все было тихо...¹³⁵ Стояли жаркие дни, горели леса, синяя дымка лежала на низком горизонте тех мест. Волнуясь, мы выходили под вечер на шоссе ждать газеты. Не знаю почему, у меня вдруг появилась надежда, что как-то все обойдется. Я собирался охотиться, готовил патроны для охотничьего ружья... Однажды вечером я решил отбросить тревогу, начать работать, жить обыкновенно. <...>

Я придвинул стул, взял бумагу, перо. Думая начать писать третий том моей книги об Италии, я поставил заглавие – «Парма». Помнится, после того написал я полторы странички и лег спать. На душе у меня было смутно, я вспомнил газеты... Меня разбудили на рассвете. Мой друг телеграфировал мне из Москвы: «Объявлена мобилизация». В то утро я покинул мирный домашний кров и более под мирный домашний кров не возвращался¹³⁶.

¹³² «Накануне его явки в казарму я был у него. Когда я уходил, он вышел со мной из подъезда и сказал: – Кончено. Я с войны не вернусь. Или убьют, или сам не вынесу» (СС IV, 78). Точная дата «явки в казарму» устанавливается из опубликованного Инной Андреевой письма И.М. Брюсовой к Н.Я. Брюсовой от 18 июля: «Муня завтра, 19 июля, в 5 часов утра должен явиться к Покровским воротам к Калитниковскому кладбищу, а оттуда на войну» (Андреева И. Свидание у звезды // Киссин С.В. (Муни). Легкое бремя: Стихи и проза. Переписка с В.Ф. Ходасевичем / Изд. подгот. И. Андреева. М., 1999. С. 344).

¹³³ Другой возможный, но менее вероятный вариант – 17-е, т. е. начало мобилизации: именно так датируют действие «Обезьяны» Н.А. Богомолов (без каких-либо пояснений: *Богомолов Н.А. Сопряжение далековатых*. С. 148) и Сара Дикинсон (полагающая, будто в этот день «Николай II объявил войну Австро-Венгрии» [*Dickinson S. Op. cit. P. 155. N. 6*]); все другие комментаторы, включая и самого Н.А. Богомолова в примечаниях к БП и СС, говорят о 19-м. Разумеется, мы ведем речь о внутренней хронологии стихотворения, а не высчитываем, «какого числа Ходасевич пожал руку обезьяне».

¹³⁴ Цветочный бал // Вечерние известия. 1914. № 518. 16 июля (ср. о погоде: «Небо сначала хмурилось и даже слегка всплакнуло, но потом... „тучки умчались, и небо лазурное кротко сияло в лучах золотых“» [цитата из популярнейшей „Яблони“ С.В. Потресова-Яблоновского]). Стиль этой неподписанной заметки позволяет заподозрить в ее авторе Дон-Ами-надо, ежедневно поставлявшего в «Вечерние известия» стихотворные фельетоны. Уже на другой день обстановка в подмосковных поселках переменялась; для примера процитируем из раздела «Дачная жизнь» той же газеты: «Во многих дачных местностях со вчерашнего дня начались манифестации. Собираются большие толпы народа. Находят национальный флаг и начинают ходить по пустым дачным улицам»; «Дачники установили на вокзалах дежурство, чтобы узнавать последние новости из Москвы. <...> Утром, почти одновременно с Москвой, узнается о мобилизации»; «Одуряюще пахнет табак, стыдливо прячутся в подстриженной зелени скромные иммортели – цветы бессмертия, так мало подходящие к этим жутким разговорам о смерти, о гибели, о близком ужасе грядущих дней» (№ 519. 17 июля; № 520. 18 июля).

¹³⁵ Вернувшись в Россию из Венеции 6 июля, Муратов жил в имении Подгорье Лужского уезда, принадлежавшем семье его жены Е.С. Урениус. Москва последних предвоенных дней стала фоном его пьесы «Мавритания» (1926).

¹³⁶ Муратов П.П. Война без мира [1931] // Он же. Ночные мысли: Эссе, очерки, статьи. 1923–1934 / Сост. Ю.П. Соловьев. М., 2000. С. 255–256. Тот же переход от отчаяния к надежде запечатлел, например, дневник Зинаиды Гиппиус, проводившей лето в Сиверской Петербургской губернии (запись от 1 августа; вновь отметим характерно спрессованную хронологию): «Вероятно, решила, бессознательно поняла близость неотвратимого несчастья с выстрела Принципа. Мы стояли в саду, у калитки. Говорили с мужиком. Он растерянно лепетал, своими словами, о приказе приводить лошадей, о мобилизации... Это

В этих обстоятельствах поэты на дачах успели уловить немало предвестий. Пастернак, живший летом 1914 года в Петровском на Оке как домашний учитель сына Балтрушайтисов (в будущем известного историка средневекового искусства), в конце пятидесятых рассказывал скульптору Зое Маслениковой, как в одну из ночей они с подопечным завывали в кустах перед флигелем Вячеслава Иванова; наутро искушенный в соответствиях символист вышел на крыльцо со словами «„Всю ночь филин ухал и сова кричала – быть войне!“ Это было за день до ее объявления»¹³⁷. Анекдотический характер эпизода заставляет воспринимать его *cum grano salis*¹³⁸, однако по возвращении из Петровского Иванов напечатал в «Русской мысли» настоящий каталог знамений – цикл «На Оке перед войной», три части которого помечены 12, 16 и 18 июля¹³⁹:

«...» Гляди – звезда скатилась
Слепительно к реке...
О чем душа смутилась
В тревоге и тоске?
Чья нить позолотилась
На ткацком челноке?

«...» Как ястреб в небе, реял Рок,
Грозою задыхались дубы,
В глухие запахнувшись шубы.
И ждали мы: настал ли срок?
А за рекой трубили трубы.

было задолго (на самом деле за несколько дней. – В.З.) до 19 июля. Соня слушала молча. Вдруг махнула рукой и двинулась: – Ну, – словом, – беда! В этот момент я почувствовала, что кончено. Что действительно – беда. Кончено. А потом опять робкая надежда – ведь нельзя: Невозможно! Невообразимо!» (*Гиппиус З.Н.* Собр. соч. Т. 8: Дневники. 1893–1919 / Сост., подгот. текста, коммент. Т.Ф. Прокопова; 2-е изд., испр. М., 2016. С. 172). Соня – кузина Гиппиус С.А. Степанова (в замужестве Клепинина, 1873–1922).

¹³⁷ Пастернак Е.Б. Борис Пастернак: Биография / [2-е изд.]. М., 1997. С. 201.

¹³⁸ Другая, более пространная версия этого рассказа сохранилась в передаче Н.Н. Вильмонта и отнесена мемуаристом к началу 1920-х годов: «Летом, в имении Балтрушайтиса (sic. – В.З.), – это было в четырнадцатом году, но задолго до Сараева, – мы спрятались с Юргисом в кустах под окном Вячеслава (сын Балтрушайтиса, мой ученик, был тоже с нами) и стали кричать по-совиному – как долго мы это репетировали! – а потом как ни в чем не бывало зашли к Вячеславу. „Вы слышали, как кричат совы? – спросил он нас с торжественной грустью. – Так они всегда кричат перед войной“. Я прыснул, и он скорей всего догадался о нашей проделке, хотя себя и не выдал – из самоуважения. И вдруг оказалось, что прав Вячеслав Иванов: грянула война! Как это странно! И страшно, конечно...» (*Вильмонт Н.Н.* О Борисе Пастернаке: Воспоминания и мысли. М., 1989. С. 53–54). Сравнение двух вариантов вскрывает механизм преобразования реальности в новеллу (возможно, не без участия посредников – Вильмонта и Маслениковой): в одном случае действие приурочено к самому кануну войны, в другом – для сходного эффекта – отодвинуто от него неправдоподобно далеко («задолго до Сараева»; ср. выше примеч. 29). Иванов приехал в Петровское лишь около 10 июля (см. коммент. А.Л. Соболева в изд.: *Гершензон М.О., Гершензон М.Б.* Переписка, 1895–1924. М., 2018. С. 560. Примеч. 3).

¹³⁹ К анализу «На Оке перед войной» см.: *Баран Х.* Первая мировая война в стихах Вячеслава Иванова // Вячеслав Иванов: Материалы и исследования. М., 1996. С. 171–172. Этот цикл косвенно упомянут в «Некрополе»: именно в его первой журнальной редакции была экзотическая рифма «смерть – умилосердь», о которой Ходасевич говорил с Брюсовым и С.В. Шервинским (СС IV, 31). Впоследствии, перерабатывая цикл для сборника «Свет вечерний», Иванов дополнил его стихотворением «Я видел сон в то лето пред войной...» (1937), чья дантовская мрачность контрастирует с тревожным энтузиазмом первых трех частей, написанных в 1914 году. Пользуясь случаем, заметим, что позднейшие рассказы о вещих предвоенных снах могли бы стать предметом отдельной работы; иные из них изумляют сложностью и одновременно плакатной однозначностью: «В одну из таких украинских ночей (на хуторе в Черкасском уезде Киевской губернии. – В.З.) приснился мне сон. Вижу я себя на Волге, где-то между Нижним и Казанью. «...» Быстро надвигалась черная туча. Сверкнула молния. Где-то по Заволжью прокатился гром. Дождь полил. У самого ближнего берега Волги справа вижу деревянную часовню с куполком. «...» На берегу у часовни стоит столик, на нем огромный старого письма „Спас“. Перед Ним теплится множество свечей. Пламя, дым от них относит в сторону ветром. Однако, несмотря ни на дождь, ни на ураган, свечи горят ярким пламенем. Тут же слева от часовни стоит старая, старая белая лошадь, запряженная в телегу, а головы у лошади нет. Она отрублена по самые плечи, по оглобли с хомутом и дугой. С шеи на землю капает густая темная кровь...» и т. д. (*Нестеров М.В.* О пережитом. 1862–1917 гг.: Воспоминания / Подгот. текста М.И. и Т.И. Титовых и др., вступ. ст. и коммент. А.А. Русаковой. М., 2006. С. 472–473).

«...» Война ль? Не ведали. Гадали
И лихо вызывали бой...
А по реке, из светлой дали,
Плыл звон – торжественной Судьбой. «...»

Б. Хеллман (исходя из общих соображений) предполагает, что стихи цикла каким-то образом дописывались и изменялись между проставленными Ивановым датами и публикацией¹⁴⁰. Как бы то ни было, художественная фиксация военных предвестий в большинстве случаев происходила уже после 19 июля, что превращало их в *vaticinium ex eventu*. Позднее Ю.П. Анненков обыграет это в одном из эпизодов «Повести о пустяках», где персонаж-беллетрист в 1917 году заносит на бумагу беспечные дачные разговоры о начале войны, заканчивая словами: «„В этот вечер я постиг обреченность России, и мне представлялась чудовищной людская недалёковидность“. Подумав, Апушин пометил эти строки задним числом: Июль 1914»¹⁴¹. Показательна в этом отношении история самого знаменитого военного пророчества русской поэзии – слепневского стихотворения Ахматовой «Пахнет гарью. Четыре недели...», за которое Д.П. Святополк-Мирский назвал ее новой Кассандрой¹⁴². Сравним его первую редакцию, под которой в рукописи проставлено довоенное 11-е число, с той, которая в сентябрьском номере «Аполлона» датирована 20 июля – днем, когда Чуковский, Анненков, Евреинов и Репин, узнав об объявленной накануне войне, вслух читали в Куоккале «Пир во время чумы»¹⁴³:

¹⁴⁰ Hellman B. Op. cit. P. 28.

¹⁴¹ Анненков Ю.П. [Темирязов Б.] Повесть о пустяках / Комментар. А.А. Данилевского. СПб., 2001. С. 69.

¹⁴² Святополк-Мирский Д.П. Памяти гр. В.А. Комаровского [1924] // Комаровский В.А. Стихотворения. Проза. Письма. Материалы к биографии / Сост. И.В. Булатовского и др. СПб., 2000. С. 202. См. также: Святополк-Мирский Д.П. История русской литературы с древнейших времен по 1925 г. / Пер. с англ. Р. Зерновой; 4-е изд. Новосибирск, 2009. С. 742.

¹⁴³ Чукоккала: Рукописный альманах Корнея Чуковского / Сост., подгот. текста и примеч. Е.Ц. Чуковской. М., 2006. С. 42–44.

Пахнет гарью. Четыре недели
Торф сухой по болотам горит.
Даже птицы сегодня не пели,
И осина уже не дрожит.

Стало солнце немилостью
Божьей,
Сушит реку, спалило траву.
Приходил одноногий
прохожий
И сказал «Отойдешь
к Покрову!»
Богородица белый расстелет
Над скорбями безгласными
плат.
Это счастье со мною
разделит
Мой единственный ласковый
брат.

Пахнет гарью. Четыре недели
Торф сухой по болотам горит.
Даже птицы сегодня не пели,
И осина уже не дрожит.

Стало солнце немилостью
Божьей,
Дождик с Пасхи полей
не кропил.
Приходил одноногий
прохожий
И один на дворе говорил:
«Сроки страшные близятся.
Скоро
Станет тесно от свежих
могил.
Ждите глада, и труса, и мора,
И затменья небесных светил.
Только нашей земли
не разделит
На потеху себе супостат:
Богородица белый расстелет
Над скорбями великими
плат».

Градус тревоги и интонация финального примирения с неизбежным сохранены, но если в первоначальной версии предсказание калики касается участи и «скорбей» лирической героини, то в версии окончательной плат Богородицы, потеряв связь с праздником Покрова, простерт уже над катастрофой целой страны¹⁴⁴. Схожую метаморфозу претерпело между журнальной и первой книжной публикациями пейзажное стихотворение С.А. Клычкова, заодно получив и характерное заглавие («Предчувствие»):

¹⁴⁴ Сопоставление двух редакций см.: *Мусатов В.В.* «В то время я гостила на земле...»: Лирика Анны Ахматовой. М., 2007. С. 174–175.

дочных деталей получает разъяснение в более пространной записи о предвестиях войны, сделанной им два года спустя. В их числе «красная тучка» и «аэропланы», а также «встреча со старообрядцем»:

Так и я с трудом могу отделаться при воспоминании горящего леса от войны. Мне тоже кажется, будто это с ней связано, что это было признаком войны. Еще из картин запало в мою душу. В это время мне пришлось ехать в пустом вагоне. Вошел пожилой господин, очень прилично одетый, долго смотрел в окно на горящие леса и вдруг мне говорит: – Как-то еще пройдет солнечное затмение. – Очень удивленный, я говорю ему, что это не связано с человеком. – Как не связано! – воскликнул он, – когда же солнечное затмение проходило без войны? Вы, должно быть, неверующий? – Что ему было на это ответить, спорить я не стал и покорно его слушал. И он мне долго говорил о последних признаках конца мира, как люди перед самым концом летать будут. На одной станции, погруженной в сизую дымку горящего леса, он ушел и потом в пустом вагоне он представлялся мне лучшим человеком, переносимым из леса в лес этими пожарами¹⁴⁷.

Упомянутое затмение солнца, увековеченное на двух картинах А.М. Васнецова, в «Охранной грамоте» Пастернака (ч. III, гл. 7)¹⁴⁸, в грандиозном «Затмении» Лозина-Лозинского («Но в час безумия и всенародных бедствий, / Как грусть прозрения и знаменье последствий, / На землю падают с небес напominанья...») и т. д., произошло 8 августа – но, поскольку газеты широко объявляли о нем заранее, получило своеобразный статус отсроченного предвестия: этим объясняется аберрация тех мемуаристов, которые описывают его в ряду *предвоенных* знамений¹⁴⁹. В обстановке начавшейся войны провинциальной прессе приходилось загодя прилагать усилия, чтобы затмение (некстати названное «русским», так как его полоса проходила по западным губерниям России, Крыму и Армении) не порождало пораженческих настроений¹⁵⁰, а таврический губернатор Н.Н. Лавриновский распорядился расклеить на улицах Феодосии, куда съехались наблюдать затмение ученые со всего мира¹⁵¹, специальное объявление: «Предупреждаю, что затмение есть явление обычное и отнюдь не должно быть истолковано как предзнаменование каких-либо чрезвычайных событий в связи с наступившими военными временами»¹⁵².

¹⁴⁷ Там же. С. 317–318; запись от 19 августа 1916 года.

¹⁴⁸ О мотиве знамения в этой главке см.: *Флейшман Л.* Пастернак в двадцатые годы. СПб., 2003. С. 310; *Лекманов О.А., Сергеева-Клятис А.Ю.* «Агитпрофсоюзский лубок»: Из реального комментария к Пастернаку [2010] // *Лекманов О.А.* Поэты и газеты: Очерки. М., 2013. С. 332–334.

¹⁴⁹ См., например, в воспоминаниях о Блоке (1936) Е.Ю. Кузьминой-Караваевой, по обыкновению проводившей лето 1914 года в Анапе: «А летом было затмение солнца. От него осталось только пепельно-серебристое кольцо. Запылали небывалые зори, – не только на востоке и на западе, – весь горизонт загорелся зарею. Выступили на пепельно-зеленом небе бледные звезды. Скот во дворе затревожился, – коровы замычали, собаки залаяли, стал кричать петух, курицы забрались на насесты спать. Пеплом было овеяно все. Потом события, о которых все знают, – мобилизация, война» (*Мать Мария [Скобцова; Кузьмина-Караваева Е.Ю.]*. Встречи с Блоком: Воспоминания. Проза. Письма и записные книжки / Сост. Т.В. Викторова, Н.А. Струве; науч. ред. и вступ. ст. Н.В. Ликвинцевой. М.; Париж, 2012. С. 87; апокалиптическая образность этого пассажа отчасти опирается на стихотворение Кузьминой-Караваевой «Кипит вражда, бряцают латы...», опубликованное в 1916 году). Ср. также: *Алексеева Л.К.* Цвет винограда: Юлия Оболенская и Константин Кандауров. Письма и дневники. М., 2017. С. 53.

¹⁵⁰ Стандартный набор материалов о затмении в газетах августа 1914 года состоит из трех элементов: справки астронома, разъясняющей механизм явления; набора анекдотов о влиянии затмений на исторические события, с неперменными Никием, Александром Македонским и Колумбом; и, наконец, фельетона о том, что истинное затмение совершилось в умах немецкого и австрийского императоров и будет развеяно силой русского оружия, – таким образом, символическим предлагалось считать не исчезновение солнца, а его неминуемое возвращение.

¹⁵¹ В их числе был, между прочим, Э. Финлей-Фрейндлих, отправившийся в Крым по просьбе Эйнштейна, чтобы астрономическими наблюдениями проверить общую теорию относительности; выполнить задачу он не сумел, так как после начала войны был интернирован (*Crelinsten J.* Einstein's Jury: The Race to Test Relativity. Princeton, 2006. P. 76–84).

¹⁵² П. П-н. Солнечное затмение (Письмо из Феодосии) // Раннее утро. 1914. № 181. 8 авг. Приказ командующего Первой

Среди других астрономических явлений тех месяцев – обильные метеорные дожди («они пересекали небо во всех направлениях, катились огненным потоком и невольно наводили на мысль о „знамении небесном“») ¹⁵³ и комета Делавана, «la comète de la guerre», которую Пяст и Кульбин высматривали в сентябрьском небе Куоккалы ¹⁵⁴. Природа и ее хроникеры словно бы методично воспроизводят список казней египетских: перед войной Кавказ, Бессарабия и Украина жестоко пострадали от ураганов ¹⁵⁵ и от небывалого нашествия мышей ¹⁵⁶, над Петербургской губернией пронесли тучи стрекоз ¹⁵⁷, в Житомире выпал кровавый дождь ¹⁵⁸. Но, безусловно, главным элементом в мифологии военных предвестий стали горящие леса, и «Обезьяна» Ходасевича – по слову В.В. Вейдле, «лучший памятник тому июлю, началу войны, через пять лет белыми стихами ему воздвигнутый» ¹⁵⁹ – недаром начинается и заканчивается ими.

Необычно теплая погода, наблюдавшаяся с первых недель 1914 года (в феврале температура побилла сорокалетний рекорд), весной вызвала наводнения, а к лету – тяжелейшую засуху. По всей России устраивались крестьянские молебны о дожде: там, где закоренелый горожанин А.В. Чаянов любит архаическую атмосферой («Нравы и обычаи жителей здешних, уклад

армией генерала П.К. фон Ренненкампа от 30 июля обязывал офицеров разъяснять солдатам природу затмения – но в то же время и «обратить внимание, что померкшее солнце <...> будет на юго-западе, как раз над станом и землей врага» (цит. по: *Бахурии Ю.А.* Русская военная авиация в 1914 году // Исторический вестник. 2014. Т. 8 [155]. С. 107). 7 августа Б.В. Никольский, недоумевая, почему германская армия до сих пор не атаковала вторгшиеся в Восточную Пруссию русские войска, усматривал причину в затмении: «И знаете что: не выжидает ли затмения Вильгельм? Ведь оно завтра и носит название „русского“. На войне ведь ничем пренебрегать не следует. <...> Пройдет затмение – и с Богом. Оно пройдет, притом, за нашим тылом. Ну, а затем – будем ждать» (*Никольский Б.В.* Дневник: 1896–1918 / Изд. подгот. Д.Н. Шилов, Ю.А. Кузьмин. СПб., 2015. Т. 2. С. 199; ждаль не пришлось, битва при Гумбинене произошла в тот же день).

¹⁵³ *Аксакова-Сиверс Т.А.* Семейная хроника. Париж, 1988. Кн. 1. С. 237.

¹⁵⁴ *Пяст В.А.* Встречи / Сост., вступ. ст., науч. подгот. текста, коммент. Р.Д. Тименчика. М., 1997. С. 188. Несколько месяцев позже П.П. Потемкин будет воображать сияние этой кометы над Парижем во время налета немецкого аэроплана («Комета»), а Вяч. Иванов – в дни битвы на Марне («Суд»); в фантазии Изабеллы Гриневской ее видит в пророческом сне бельгийский король Альберт (*Гриневская И.А.* Поклон героям. Пг., 1915. С. 40). Ср. также стихотворение Елизаветы Полонской «1914» (1919), вошедшее в цикл «Знаменья» из одноименного сборника: «Недаром знаменья грозные даны: / Затмилось мраком солнечное лето, / И сто ночей клонилась с вышины / Зловещая Галлеева комета» (*Полонская Е.Г.* Стихотворения / Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. Б.Я. Фрезинского. СПб., 2010. С. 80; в комментариях напрасно приводятся сведения о комете Галлея). Полонская встретила войну во Франции, и поэтому ее стихи выбиваются из стилистики русских перечней знамений: место губительной засухи и пожаров занимает идиллия плодородия.

¹⁵⁵ «Приехал оттуда инженер и говорит, что творится нечто небывалое – „стихии обезумели“. И при этом – полагают неизбежной чуму» (*Горький М.* Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. М., 2004. Т. 11. С. 113; 2 июля). Об этих ураганах как о знаке войны см., например: *Цветаева А.И.* Воспоминания: Авторская ред. с восстановленными купюрами / Изд. подгот. С.А. Айдиняном. М., 2008. Т. 2. С. 322–326; *Мать Мария* [*Скобцова; Кузьмина-Караваева Е. Ю.*]. Указ. соч. С. 87.

¹⁵⁶ *Россигов К.Н.* Мышиная напасть в 1914 г. в Европейской и Азиатской России // Бюллетень о вредителях сельского хозяйства и мерах борьбы с ними (Харьков). 1915. № 2. С. 1–6 (по подсчетам автора, бедствие затронуло тридцать губерний). Ср.: «В народе упорно держатся темные слухи, что нашествие мышей не к добру: либо к голоду, либо к войне. Настроение всюду подавленное» (*Нос В.* Нашествие мышей // Речь. 1914. № 160. 15 июня).

¹⁵⁷ *Кайгородов Д.Н.* Саранча в Петербурге // Новое время. 1914. № 13712. 16 мая; *Аверин В.Г.* О массовом лете стрекоз летом 1914 г. в Европейской России // Бюллетень о вредителях сельского хозяйства и мерах борьбы с ними. 1915. № 2. С. 16–22. Ср.: «Люди считали это плохим предзнаменованием» (*Руханен У.* В вихрях века: Воспоминания и очерки / Пер. с финск. Э. Топпинен. Петрозаводск, 1991. С. 13). Петроградский вагоновожатый-графоман И.Д. Герасимов посвятил первой годовщине события поэму «Появления летевшей стрекозы», где сравнивал насекомых с немецкими аэропланами и признавался задним числом: «Я подумал про себя / Что так не обойдется / Какое-либо бедствие в стране / Скоро звать начнется» (Сборник стихотворений и рассказов из настоящего времени самоучки крестьянина Ив. Дм. Герасимова. Пг., 1916. Ч. 2. С. 25; о Герасимове и об этих стихах см.: *Успенский Л.В.* Указ. соч. С. 175). Ср. также стихотворение «Перед войной» художницы Марии Шрётер, жившей в то лето в Стрельне: «Туча стрекоз золотых, но на небе лазурном ни тучи, / Туча стрекоз, и народ робко твердит: „Не к добру!“» (*Шрётер М.В.* Палитра. Пг., 1915. С. 15–16; об авторе: *Николаева Т.И.* Виктор Шрётер. Иероним Китнер. СПб., 2007. С. 199 сл.).

¹⁵⁸ «Очевидно, вихрь подхватил где-нибудь красный песок. Перед моим домом повалило огромный тополь. Народ усмотрел в этом знамение надвигающегося бедствия. Тяжелое впечатление оставило это явление природы...» (Путь моей жизни: Воспоминания Митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т.П. Манухиной. М., 1994. С. 228). Местная газета, впрочем, сообщает о дожде огненном: «Искры падали наподобие дождевых капель. <...> Проходившие в это время по улице рассказывали, что видели, «как» нечто вроде огненного шара, из которого и сыпались искры, ударившись о дерево, находившееся во дворе архиерейского дома, возле ворот, распилило дерево пополам» (Жизнь Воляни. 1914. № 176. 12 июля).

¹⁵⁹ *Вейдле В.В.* Воспоминания. С. 8.

их жизни еще не вышли из XVII века. Каждую неделю здесь проходят чудотворные иконы, звон колокольный почти не смолкает, а лесные пожары застлали все какой-то сказочной лазоревой дымкой»¹⁶⁰), более пронизательный Есенин улавливает отчаяние («Заглушила засуха засевки, / Сохнет рожь, и не всходят овсы. / На молебен с хоругвями девки / Потащились в комлях полосы...»). К концу июня лесные и торфяные пожары обратились в национальное бедствие, охватившее огромную территорию от балтийских губерний до Дальнего Востока – впрочем, так же, пусть и в заметно меньших масштабах, обстояло дело и в 1911, и в 1912 годах¹⁶¹. 2 июля Горький писал сыну из поселка Мустамяки на Карельском перешейке:

Лето – отвратительное, дикая жара, в двадцати губерниях – лесные пожары. Недавно был лесной пожар в трех верстах от деревни, где я живу, выгорело 5 тысяч десятин, целую неделю стоял густой дым, дышать нечем. А около станции – за 6 верст от дома, где я живу, – и сейчас горит торфяное болото.

В Шлиссельбургском уезде пожар так разыгрался, что возникло опасение, как бы не взорвались пороховые заводы и пироксилиновый, – случись это – Петербург разрушило бы взрывом. Посылали гасить пожар два батальона сапер да 800 рабочих, – в общем это около трех тысяч человек, они работали четверо суток почти по двадцать часов в сутки, прорубили три просеки шириною в 6 сажен и длиной – в общем – до 30 верст, а по просекам – канавы в четыре аршина глубиной – гигантский труд! Много людей было ушиблено падавшими деревьями, несколько – убито.

От этих пожаров страна несет миллионные убытки, в текущем году убытки будут особенно велики. Западная Европа незнакома с такими бедствиями, а у нас они – ежегодно.

Тяжело жить на Руси, дорогой мой сынище, очень тяжело! Все как-то дико, непривычно, многое я забыл¹⁶² и теперь грустно удивляюсь, очень уж нелепо, жестоко¹⁶³.

Газеты «полны ужасов пожаров»¹⁶⁴, приучают читателей к слову *антициклон*, интервьюируют астрономов на предмет отсутствия пятен на Солнце и единодушно возмущаются бездействием властей; «Биржевые ведомости», не ограничиваясь хроникой, печатают цикл репортажей Иеронима Ясинского из охваченной огнем Псковской губернии¹⁶⁵. В рассказе «Давно прошедшее», опубликованном 20 ноября 1914 года в газете «Новь» и, согласно гипотезе В.В. Тренина и Н.И. Харджиева, принадлежащем перу Маяковского, летние сводки о пожарах прозрачно ассоциируются с подступающим «пожаром войны»: «Смешное лето. В кафе

¹⁶⁰ Письмо Н.П. Макарову из Углича от 7 июля 1914 года: *Чаянов А.В. Избранное: Статьи о Москве. Письма (1909–1936)* / Примеч. С.Б. Фроловой. М., 2008. С. 157.

¹⁶¹ Ср. трезво-ироничную оценку опытного государственного чиновника: «По заведенному в последние годы порядку в Тверской, Новгородской и Петербургской губерниях горели торфяные болота, и воздух на многие версты кругом был пропитан едким дымом» (*Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника* / Подгот. текста и коммент. Н.П. Соколова. М., 2000. С. 643). В разгар пожаров Лесной департамент, избрав своеобразный способ успокоить население, уверял, что «лесные пожары в казенных владениях текущего периода не могут считаться устрашающими по сравнению с размерами выгорания казенных лесов в предшествовавшие годы» (Утро России. 1914. № 156. 8 июля). См. ниже примеч. 86.

¹⁶² Горький уехал из России в 1906 году под угрозой ареста и вернулся только в конце 1913 года.

¹⁶³ *Горький М.* Указ. соч. С. 113. 13 июля Горький предлагал тему «Лесные пожары» опекаемому им крестьянскому поэту Д.Н. Семёновскому (Там же. С. 116).

¹⁶⁴ Письмо Е.К. Герцык В.С. Гриневич от 3 июля: *Сестры Герцык. Письма* / Сост. и коммент. Т.Н. Жуковской. М., 2002. С. 536.

¹⁶⁵ См. основанную на этих репортажах главу его мемуаров: *Ясинский И.И. Роман моей жизни: Книга воспоминаний* / Сост. и коммент. Т.В. Мисникевич и Л.Г. Пильд. М., 2010. Т. 1. С. 633–642.

просиживали долго. <...> В кафе ужасно много газет. Знаешь наверное, что начало гореть. Да, горит. Сначала торфяные, потом кустарник. Затем хвойные леса пошли гореть. <...> Кстати, о газетах. Приходили они в кафе, как всегда. Аккуратные, гладко выбритые, белые, а тронешь пальцем – сырые. И дым. Да. Пахнут дымом. Ну зачем им еще душиться дымом? Ведь и без того, размахивая пухлыми руками, орут: „Горит! горит! горит!“»¹⁶⁶ Действительно, к набатной анафоре «горит... горит... горит...» газетные публицисты прибегали постоянно: в этом пункте риторика председателя петербургского отделения Союза русского народа С.А. Володимерова в «Земщине» (2 июля: «Вся Русь окутана дымом. <...> Горят не только леса, горят торфяные луга и болота, горит сама земля, горят повсюду деревни, выгорают целыми селами по несколько сот дворов») неотличима от риторики эсера Питирима Сорокина в вологодском «Эхе» (11 июля: «Горит Россия. Горят леса, торфяники, горят деревни, горят села. <...> Не символ ли это нашей родины..?»)¹⁶⁷.

В толках о пожарах не обошлось без конспирологического следа: санитарный врач и ученый-гигиенист З.Г. Френкель вспоминает об июньском разговоре с директором петербургского Института экспериментальной медицины С.К. Держговским, который «между прочим высказал свое мнение, что все эти лесные пожары – дело рук немцев, что горящие леса и торфяники – подготовительные меры к их военным планам. Мне показалось это плодом обывательского воображения. Однако спустя два-три месяца, когда немцы захватили часть Польши от Калиша до Млавы, я не раз вспоминал его слова»¹⁶⁸. Корреспондент костромской газеты записал пересуды крестьян, винивших во всем аэропланы: «Летает какая-то птица с железными крыльями (многие уверяют, что сами видели), выпуская из хвоста яд, который порождает засуху и болезни на скоте и людях»¹⁶⁹.

В задымленном воздухе непривычно выглядели солнце и луна. Строки Ходасевича «Огромное малиновое солнце, / Лишенное лучей, / В опаловом дыму»¹⁷⁰ висело..., которые теперь в первую очередь воспринимаются как символическая деталь¹⁷¹, для современников заключали узнаваемую примету тех месяцев («все так и было, в 1914, в Томилине»). Цитируя их, один из рецензентов признавался: «И сразу припоминается лето 1914 г., даже если бы поэт и не прибавил в конце „В тот день была объявлена война“»¹⁷². В эти дни смотрели на небо и Блок в Шахматове (записные книжки от 25 июня: «Второй день – гарь. Солнце и луна – одинаково красные шары»¹⁷³), и Кузмин в Павловске (дневник от 27 июня: «Луна красная нелепа»¹⁷⁴),

¹⁶⁶ Цит. по: *Маяковский В.В.* Полн. собр. соч.: В 12 т. Т. 1 / Ред. и коммент. Н.И. Харджиева. М., 1939. С. 364. Доказательству авторства Маяковского посвящена работа: *Arutunova B.* «Давно прошедшее» Маяковского // *Slavic Poetics: Essays in Honor of K. Taranovsky* / Ed. by R. Jakobson et al. The Hague; Paris, 1973. P. 5–23 (перепечатано: *Арутюнова-Мануевич Б.А., Мынбаева А.К.* Недавно прошедшее / Предисл. М.О. Чудаковой. М., 2014. С. 270–289).

¹⁶⁷ Цит. по: *Сорокин П.А.* Ранние сочинения: 1910–1914 / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В.В. Сапова. М., 2014. С. 523.

¹⁶⁸ *Френкель З.Г.* Записки и воспоминания о пройденном жизненном пути / Публ., сост., коммент. и вступ. ст. Р.Б. Самофал. СПб., 2009. С. 271. Ср. отражение этих слухов в неоконченной автобиографической повести Леонида Зурова, писавшейся в 1950–1960-е годы: *Зуров Л.Ф.* Иван-да-Марья / Реконструкция текста и вступ. ст. И.З. Белобровцевой. СПб., 2014. С. 237–238.

¹⁶⁹ Костромская жизнь. 1914. № 151. 12 июля.

¹⁷⁰ Ср. в письме Северянина Ан. Н. Чеботаревской от 19 июля 1914 года: «...еще за несколько дней до убийства Франца Фердинанда, в дни опаловых недвижных удуший, когда я предсказывал Какие-то События, всем и каждому...» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 2005–2006 гг. СПб., 2009. С. 747; публ. Л.Н. Ивановой и Т.В. Мисникевич). Поэтически предположить, что газетные сообщения о «горящей России» вдохновили и северянинскую «Поэзу спичечного коробка» (помеченную «начало июля 1914, мыза Ивановка»), в которой прославляется экстаз пиромена: «Бери же, чиркай и грози, / Восторжен, нагл и яр! / Ползет огонь на все стези: / В твоей руке – пожар!»

¹⁷¹ По впечатлению А.А. Макушинского, в этих стихах «солнце Апокалипсиса уже висит над миром» (*Макушинский А.А.* Указ. соч. С. 42; см. также: *Богомолов Н.А.* Сопряжение далековатых. С. 149).

¹⁷² *Скворцов Б.Н.* Владислав Ходасевич. Путем зерна. 3-я книга стихов // Казанский библиофил. 1922. № 3. С. 93.

¹⁷³ *Блок А.А.* Указ. соч. С. 233.

¹⁷⁴ На другой день, когда гнетущая обстановка в доме несколько разрядилась, Кузмин примирился со светилом: «Луна

и поэт круга «Знания» А.С. Черемнов в Клеевке Витебской губернии (письмо Бунину от 12 июля: «Солнце только к полудню пробивалось сквозь тучи дыма. Луна выползала багровым шаром и видом своим оправдывала рассуждение Фердинанда Поприщина, что ее, луну, делает в Гамбурге хромым бочар»¹⁷⁵), и литературовед А.С. Поляков в Кадникове Вологодской губернии (письмо С.А. Венгерову от 14 июля: «Солнце в виде красноватого желтка пробивается сквозь облака дыма»¹⁷⁶). 13 июня Божидар сочиняет триумфальную «Пляску воинов» с восклицанием «жарый шар в пожаре низк»; 3 июля репортер «Синего журнала» («Солнце на закате смотрит сквозь дым мистическим красным пятном, а луна при восходе принимает пурпуровые оттенки»¹⁷⁷) безнадежно проигрывает в зловещей изобразительности Д.В. Философову: «Особенно страшен выход луны. Она непривычная, малиновая. Декадентский режиссер, не боясь погрешить против природы, добился особенно мрачного, театрального эффекта. Иногда можно даже луну принять за солнце. На закате солнце такое же малиновое. Как пузырь, который медленно падает с как бы мертвого неба. Издыхающие от жары люди как-то равнодушно смотрят на враждебные светила»¹⁷⁸; 18 июля Мария Шрётер, услышав «слух о войне» и песню мобилизованных, обращается к солнцу с тревожным вопросом: «Солнце налилося кровью и блещущим трепетным гневом, / Шлет алый луч в щель угла, в бор и в поля шлет гонцов. <...> / В дыме горящих лесов дальняя даль голубая, / В дыме дымящихся сел, солнце, ужель ты зайдешь?..»¹⁷⁹; 26 июля в «Ниве» выходит стихотворение Марии Пожаровой «Засуха», в котором «неотвратно, слепительно яро / Красным оком глядящая твердь» к финалу становится орудием Божьей кары: «А в деснице (архангела. – В.З.) пылающим шаром / Солнце, солнце не меркнет весь день»¹⁸⁰; наконец, в уже упоминавшемся очерке В.В. Муйжеля «Война и деревня» (опубл. 16 августа) встречаем описание, ближе всего совпадающее со ст. 52–55 «Обезьяны»:

А днем едкий, горький дым висел в воздухе плотной завесой, и красное, резко очерченное солнце, на которое можно было смотреть простым глазом, победоносно катилось в бурой дымке и жгло старую, потрескавшуюся землю. Желтела рано выколосившаяся рожь, недвижимая, застывшая в полном безветрии...

После начала войны это цветковое сочетание – густо-красного в дымном мареве – также приобрело мрачные коннотации: «Едкая мгла все лето нынче стояла над Россией, до Сибири – от непрерывных лесных и торфяных пожаров. К осени она порозовела, стала еще более едкой и страшной. Едкость и розовость ее тут, день и ночь» (дневник Гиппиус от 30 сентября)¹⁸¹. «Малиновый закат» душного вечера 19 июля (1 августа) многозначительно упоминает и Андрей Белый, находившийся за тысячу миль от горящих лесов, в швейцарском Дорнахе¹⁸²; на другой день Н.О. Лосский, которого война застала на отдыхе в Швеции, тоже с тревогой вглядывался в алое зарево¹⁸³.

мила, как в *Meistersinger*'ax» (*Кузмин М.А.* Дневник: 1908–1915. С. 460–461; имеется в виду декорация второго акта вагнеровской оперы).

¹⁷⁵ Литературное наследство. Т. 84: Иван Бунин. Кн. 1. М., 1973. С. 652 (публ. Л.Н. Афонина).

¹⁷⁶ Из эпистолярного наследия А.С. Полякова / Публ. М.Д. Эльзона // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2001 год. СПб., 2006. С. 337.

¹⁷⁷ *Крог*. Где красный петух краснее? // Синий журнал. 1914 (3 июля). № 26. С. 13.

¹⁷⁸ *Философов Д.В.* Засуха // Русское слово. 1914. № 152. 3 июля.

¹⁷⁹ *Шрётер М.В.* Указ. соч. С. 15.

¹⁸⁰ Об этих стихах см.: *Поливанов К.М.* Три заметки к комментариям текстов А. Ахматовой // Тихие песни: Историко-литературный сб. к 80-летию Л.М. Турчинского. М., 2014. С. 304–309. Автор постулирует их связь с ахматовским «Пахнет гарью. Четыре недели...», равно как и ритмическое влияние на Ахматову «Прощания славянки»; оба эти предположения, однако, опровергаются ранней редакцией стихотворения Ахматовой, которая датирована 11 июля (см. выше).

¹⁸¹ *Гиппиус З.Н.* Указ. соч. С. 178.

¹⁸² *Белый А.* Гремящая тишина. С. 175.

¹⁸³ «Солнце закатывалось, и все небо пылало от ярко-красной вечерней зари. Все обратили внимание на необыкновенный

Дымный воздух, пожары, чахнувшие нивы, безжалостный круг солнца скоро обратились в клише поэтических описаний «яростного и пыльно-бирюзового» (Комаровский) предвоенного июля. Самое известное из них – восьмая строфа «Пятистопных ямбов» Гумилева (1915):

То лето было грозами полно,
Жарой и духотою небывалой,
Такой, что сразу делалось темно
И сердце биться вдруг переставало,
В полях колосья сыпали зерно,
И солнце даже в полдень было ало¹⁸⁴.

П.Н. Зайцев, непосредственно причастный, как мы помним, к публикации «Обезьяны», включил в свой единственный поэтический сборник стихотворение «Лето 1914 г.»:

Земля умирала от зною,
И зноем дымились леса,
И застило синею мглою,
Дрожащею мглой небеса.

Горели засохшие травы,
Крутился безветренный зной,
И в воздухе душном отравы
Текли раскаленной волной.

А там, в недоступной лазури,
Воздушный дрожал океан –
Играли грядущие бури,
Громовый рыдал ураган.

И встали кровавые зори
Над пламенным сердцем земли.
И реки студеного горя
По жаркой земле потекли¹⁸⁵.

Если Зайцев тонко сочетает разработку мотивов «Обезьяны» (ср. «громовый рыдал ураган» и «хор... ветров и сфер» у Ходасевича) с романтической интонацией «Воздушного корабля», то приуроченные к двадцатилетней годовщине войны стихи ленинградского поэта

цвет ее и с тяжелыми предчувствиями пустились в дорогу» (*Лосский Н.О.* Воспоминания: Жизнь и философский путь / Пре-
дисл. и примеч. Б.Н. Лосского, вступ. ст. О.Т. Ермишина. М., 2008. С. 164). Ср. о том же в мемуарах сына философа, в ту пору
девятилетнего мальчика: «Заходящее солнце как-то необычно ярко обаграло добрую треть небосклона. Помню обращенное к
отцу бабушкино восклицание „Коля, огонь“, и его ответ: „Кровь...“» (*Лосский Б.Н.* Наша семья в пору лихолетия 1914–1922
годов // *Минувшее*. М.; СПб., 1992. Вып. 11. С. 131).

¹⁸⁴ Арсений Несмелов возьмет эти строки эпиграфом к рассказу «Два Саши» (1939), где на фоне роковых примет июля
1914 года (включая обилие грибов), на которые беспечно-юные герои не обращают внимания, звучит реплика старожилы: «Это
лето, господи, страшное лето, и неспроста оно такое. <...> Такое же лето было перед турецкой войной. <...> Тоже гремело тогда
лето, и вот грянули пушки» (*Несмелов А.И.* Собр. соч.: В 2 т. / Сост., коммент. Е.В. Витковского и др. Владивосток, 2006. Т.
2. С. 113). Заметим, что война 1877–1878 годов началась в апреле.

¹⁸⁵ *Зайцев П.Н.* Ночное солнце. М., 1923. С. 62. Стихи Зайцева, перепечатанные в антологии Ежова и Шамурина, судя
по всему, повлияли на «Затмение солнца. 1914» Арсения Тарковского (1958): «В то лето народное горе / Надело железную
цепь, / И тлея по самое море / Сухая и пыльная степь, / И под вечер горькие дали, / Как душная бабья душа, / Багровой
тревогой дышали / И Бога хулили, греша...»

Николая Брауна (автора круга «Островитян», в юности участника гумилевской студии и завсегдатая салона Наппельбаумов)¹⁸⁶ уже ограничиваются перебором штампов: заканчивает Браун, по-ходасевичевски, строкой «Так началась война»¹⁸⁷. Типичен даже синтаксис первой строфы Брауна – вереница коротких простых предложений (ср. зачины Ахматовой: «Пахнет гарью. Четыре недели / Торф сухой по болотам горит», Вяч. Иванова: «Злак высох. Молкнул гром желанный» и Ходасевича: «Была жара. Леса горели. Нудно / Тянулось время»)¹⁸⁸:

Напрасно влаги жаждала земля.
Хлеба горели. Подсыхали травы.
Гремели тракты, в небеса пыли.
Скупые росы капали утрами.

И солнце жгло сквозь дым лесных пожаров.
(Их зарева играли по ночам.)
Был воздух желт и отдавал угаром,
И птицы камнем падали к ручьям.

И крик их был отрывист и тревожен.
В полях предгрозем пахла тишина.
И в эти дни, на вымысел похоже,
Входило слово черное: война...¹⁸⁹

Хотя засуха и пожары 1914 года, сыгравшие столь важную роль в русском *Augusterlebnis*, и впрямь оказались исключительно сильными (только казенного леса выгорело 428 тысяч десятин¹⁹⁰), стоит подчеркнуть, что опыт апокалиптической интерпретации этого традиционного для России бедствия¹⁹¹ уже был к этому времени накоплен символистами. Так, Белый писал о

¹⁸⁶ В 1931 году Ходасевич, защищаясь от непрошеного оммажа со стороны Брауна (тот опубликовал в «Звезде» рифмованное проклятие белой эмиграции с эпиграфом «Под европейской ночью черной / Заламывает руки он»), сумел припомнить о нем немного: «Если не ошибаюсь, я знал его... <...> Лет десять назад он вращался среди учеников Гумилева. <...> Обыкновенный интеллигентный мальчик, по крови немец» (*Ходасевич В.* Голос «оттуда» // Возрождение. 1931. № 2228. 9 июля; об инциденте см.: Собр. соч. I, 444; *Шубинский В.И.* Указ. соч. С. 472–474). Чтобы показать степень влияния Ходасевича на Брауна, достаточно начальных строк его стихотворения «Тайна», полученных путем соединения «Эпизода» с «Балладой»: «Я помню этот день. Кончалось лето. / Был час послеобеденный, притихший. / Я со двора, девятилетний, быстрый, / Вбежал зачем-то в комнату – не помню. / Она была пронизана лучами / Дрожащими, косыми, золотыми <...>. / И в их раскатке, медленной и мерной, / Вся комната как будто поплыла: / Комод, и стол, и очертанья окон, / И выцветшие розы на обоях, / И сам я с ними закачался в лад...» (*Браун Н.Л.* Новые стихи. Л., 1940. С. 47).

¹⁸⁷ Между прочим, теми же словами «Так началась война» завершались (и были озаглавлены) стихи А.А. Суркова о мобилизации лета 1914 года, опубликованные в номере «Правды», посвященном юбилею (1934. 26 июля; впоследствии печатались под заглавием «Начало» как часть хроники «Большая война»).

¹⁸⁸ В черновике «Обезьяны» Ходасевич заменил первоначально поставленные запятые в ст. 1 на точки.

¹⁸⁹ Литературный современник. 1934. № 8. С. 17–18; *Браун Н.Л.* Звенья: Стихи. Л., 1937. С. 86–87 (в этой и всех последующих публикациях – с выпуском двух строф).

¹⁹⁰ *Савельев П.С.* Пожары-катастрофы / 2-е изд. М., 1994. С. 207.

¹⁹¹ Выписки из дневника, который в 1906–1908 и 1912–1922 годах вел крестьянин Тотемского уезда Вологодской губернии А.А. Замаараев, сливаются в единую беспросветную картину: «Дым от горящего леса» (8 июля 1906 года); «Горит вся Россия, горят города, деревни и леса. Дым глаза ест, ветер сухой, разносит дым, в полуверсте ничего не видно» (27 августа 1912 года); «В деревнях и в домах везде дым от горящего леса. Солнце показывает красное, кровавое. <...> Кажется, горит сама земля. За четверть версты не видно» (22 и 26 июня 1914 года); «Начинаются лесные пожары» (28 мая 1917 года); «Везде горит, кажется, сама земля горит. Многие деревни в опасности...» (12 июля 1919 года); «Пожары страшные везде. Горит лес, горит мох, трава. <...> Кажется, горит вся Россия» (19 и 21 июля 1920 года); «Везде лесные пожары. Кругом горит» (20–21 мая 1921 года; см.: Дневник тотемского крестьянина А.А. Замаараева: 1906–1922 годы / Публ. подгот. В.В. Морозов и Н.И. Решетников. М., 1995. С. 20, 51, 85, 161, 209, 226, 238). Ср. также антологию литературных свидетельств разных лет, собранную современным филологом в дни лесных пожаров 2010 года и приводящую на память цитату из флюберовского «Лексикона прописных истин» «Été: toujours exceptionnel»: therese-phil.livejournal.com/171196.html.

1901 году: «Это были <...> дни лесных пожаров, наполнявших чадом окрестность. Дни, когда решались судьбы мира и России...» («Вторая симфония», 1902), а позднее Блок – о 1911 году: «Уже был ошутим запах гари, железа и крови. <...> Летом этого года, исключительно жарким, так что трава горела на корню, в Лондоне происходили грандиозные забастовки железнодорожных рабочих, в Средиземном море – разыгрался знаменательный эпизод „Пантера – Агадир“...»¹⁹² (предисловие к «Возмездию», 1919). На сей раз атмосфера тотальных предвестий, чье классическое описание дал Ходасевич в очерке о Муни (СС IV, 69–70), словно бы сама породила грозную реальность¹⁹³. С завидной психологической зоркостью передает впечатление от пожаров знакомый Ходасевича художник Н.П. Ульянов, живший тем летом в Петровском:

Это обычное явление – лесные пожары – могло быть незамеченным при других обстоятельствах, но теперь оно приобретало какое-то особое значение на лицах смиренных, потерявших спокойствие дачников. С недоумением и тревогой смотрели они на искаженный теперь, как на негативе, образ «равнодушной природы», еще недавно такой простой и ясной. <...>

Если белые ночи настраивают на особый лад, создавая в людях беспричинную грусть, то как могла действовать эта непривычная ежедневная феерия, это марево, сжегшее почти все краски, кроме красной? Солнце светило, но не ослепляло. Перед вечером оно казалось только плотным алым кругом, повисшим в «пустом» небе.

Что случилось в этой почти всегда дождливой полосе России? Нетрудно было объяснить причины того, что еще недавно серая Ока в сумерках становилась багрово-красной, будто кровавой. Какое отношение могло иметь все это к надвигающейся мировой катастрофе <...>? Ровно никакого, а между тем рефлекс опасения на мгновение мог быть понятен даже несуетливому человеку¹⁹⁴.

Несколькими месяцами позже мягкая осень 1914 года во Франции, наоборот, вызвала поэтическое разочарование Н.М. Минского, укорявшего погоду за несоответствие моменту: «Никогда, никогда, никогда / Я не видел небес столь торжественно-ясно-эфирных, / Столь божественно-благостно мирных, / Как теперь – в эти дни иступленья, вражды и огня. / <...> Никогда, никогда, никогда / Я не чувствовал так безнадежно-навечно, / Что природа нам даже – увы – не враждебна, а только чужда...» («Осень 1914»).

Поэтика предзнаменований во все времена эксплуатирует мотив чужака, который появляется ниоткуда с пророчествами и остается не услышанным. В этой роли заезжий финский врач-мистик Э.В. Любек («Однажды вошел к нам в столовую во время завтрака таинственный человек. Все почувствовали странность его появления. Это был *nordischer Mensch*, напоминающий викинга: огромного роста, очень красивый, но уже среднего возраста, с падающими на плечи кудрями, одетый в плащ...»¹⁹⁵), который на встрече нового 1914 года внезапно смущает гостей словами о кровавой войне и революции¹⁹⁶, перекликается и с пришвинским «лешим», и

¹⁹² Появление в июле 1911 года немецкой канонерской лодки «Пантера» у берегов марокканского Агадира привело к затяжному дипломатическому кризису и антивоенным манифестациям (Блок находился в это время в Германии и Франции). Волнение, охватившее Европу в дни *coup d'Agadir*, Волошин в статьях и лекциях неоднократно сопоставлял с атмосферой июля четырнадцатого года (Волошин М.А. Собр. соч. Т. 6 / Сост., подгот. текста А.В. Лаврова. М., 2007. Кн. 1. С. 409–410, 489; М., 2008. Кн. 2. С. 371–372); заметка «Речи» об австрийском ультиматуме Сербии была озаглавлена «Балканский Агадир» (1914. № 189. 16 июля).

¹⁹³ В недалеком будущем мифологема «пожаров-знамений» будет применена и к 1917, и к 1921 году.

¹⁹⁴ Ульянов Н.П. Указ. соч. С. 332–333 (написано в 1931 году).

¹⁹⁵ Бердяев Н.А. Самопознание: Опыт философской автобиографии / Сост., предисл., подгот. текста, коммент. и указ. А.В. Вадимова. М., 1991. С. 195.

¹⁹⁶ Иванова Л.В. Указ. соч. С. 54–55; Бердяев Н.А. Указ. соч. С. 373–374.

с «одноногим прохожим» из стихов Ахматовой. В замкнутом дачном мире чужак-пришлец – это, как мы видели выше, в первую очередь бродячий шарманщик / обезьянщик; наделить его тайным знанием о будущем было тем естественнее, что не только предсказатель-цыган, но и «пророчная шарманка» (Северянин, «Жуткая поэза», 1914) были хорошо знакомы модернистской поэзии начала века: «Что быть должно – то быть должно, / Так пела с детских лет / Шарманка в низкое окно...» (Блок, «Зачатый в ночь, я в ночь рожден...», 1907); «Шарманочка! Погромче взвизгни! / С грядущим веком говорю...» (Ходасевич, «Старик и девочка-горбунья...», 1922); «одноногий старик-шарманщик (так наряжена Судьба) показывает всем собравшимся их будущее – их конец» (записи Ахматовой к «Поэме без героя», 1962)¹⁹⁷

¹⁹⁷ Записные книжки Анны Ахматовой. С. 208; ср. с. 175. Образ шарманки в поэзии этой эпохи основательно исследован: *Тименчик Р.Д.* Ахматова и Пушкин: Заметки к теме. III: «Невидимых звон копыт» // Пушкин и русская литература: Сб. науч. тр. Рига, 1986. С. 124–125; *Ичин К.* К мотиву шарманки в творчестве Елены Гуро [1999] // Она же. Авангардный взрыв: 22 статьи о русском авангарде. СПб., 2016. С. 123–134; *Аторина О.Г., Сафронова Н.А.* «Шарманка, жалобное пенье, / Тягучих арий дребедень...»: Семантика образов шарманки и шарманщика в русской поэзии XIX–XX веков // Русская филология: Уч. зап. каф. истории и теории литературы Смоленского гос. ун-та. 2006. Т. 11. С. 18–29 (нам недоступно); *Лаццарини Ф.* Петербургский текст в акмеистических стихах Владимира Нарбута // Сборник Матице Србске за славистику. 2012. Т. 81. С. 44–45; *Сошкин Е.П.* Указ. соч. С. 110–115 и др.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.